

The illustration depicts a macabre scene in a stone-walled room. A large animal carcass, possibly a pig or boar, is suspended vertically by its hind legs from a wooden beam. The animal's skin is partially removed, revealing its internal organs and a large, protruding, pale, bulbous mass on its belly. In the foreground, a young woman with reddish hair, wearing a simple, light-colored dress, is kneeling on the hexagonal-tiled floor. She is holding a metal bucket filled with a red liquid, likely blood, and appears to be washing or cleaning the floor. To her right, a large, dark brown dog stands on all fours, looking towards the woman. The background features a stone wall with a small, barred window and various chains and pulleys hanging from the ceiling. The overall style is reminiscent of a classical painting or a detailed illustration.

АЛЕХАНДРО
ХОДОРОВСКИЙ

АЛЬБИНА
И МУЖЧИНЫ-ПСЫ

МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS

*Серия «VASA INIQUITATIS» («СОСУД БЕЗЗАКОНИЙ»)
является совместным проектом издательств
KOLONNA Publications и МИТИН ЖУРНАЛ*

ББК 84.7 Чил.

Alejandro Jodorowsky
ALBINA Y LOS HOMBRES PERRO
Ediciones Siruela, 2001

А л е х а н д р о Х о д о р о в с к и й
АЛЬБИНА И МУЖЧИНЫ-ПСЫ

**В оформлении обложки использован
рисунки Жана-Мари Пумероля «Бойня».**

дизайн обложки: ВЛАДИМИР КАЗАК
верстка: ЕЛЕНА АНТОНОВА
руководство изданием: ДМИТРИЙ БОЧЕНКОВ
корректор: ОЛЬГА КОБРИНА

ISBN 5-98144-016-3 ·

© Alejandro Jodorowsky, 2000
© Владимир Петров, перевод, 2004
© Митин Журнал, 2004
© Kolonna Publications, 2004

Александро Ходоровский

АЛЬБИНА

И МУЖЧИНЫ-ПСЫ

(фантастический роман)

перевод с испанского Владимира Петрова

часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСПОЖИ

Твои губы и грудь - соты, полные тревоги; твой зрелый живот - гроздь, сорванная в необъятном винограднике смерти. Сворой рыжих собак бегут за тобой осенние дни; и, окруженная речными и звездными божествами, ты - вечность, замкнутая в капле ужаса.

Пабло де Рока. «Космогония».

глава 1. ПОДАРОК ЛИВНЯ

Как все чилийцы, Каракатица разговаривала, что-то мурлыча себе под нос; смеялась по любому поводу, даже когда умирал кто-нибудь известный; пила красное вино, пока не валилась наземь, - а проснувшись, обнаруживала, что туфли украдены; ела лепешки и ежиные языки под зеленым соусом, с приправой из обжигающего свежего перца; если карабинеры избивали дубинками «подстрекателя», отворачивалась, притворяясь, что ее здесь как бы и нет; но она была родом не из Чили, а из Литвы. В двухлетнем возрасте ее доставили в порт Вальпараисо: с одной стороны - мать, огненно-рыжая толстуха, говорившая только на идиш, с другой - отец, вялый, длинный (два метра десять сантиметров), безобидный, как птичка, и практиковавший предельно земное ремесло мозолястика: посредством молитв он удалял наросты с ног. Его звали Авраам, а супругу - Сара. Долгие годы он мечтал о сыне по имени Исаак, «приносящий веселье». И когда после многих тревожных усилий, через десять месяцев - беременность, малокровие,

щипцы, кесарево сечение, тугая перевязка, - Сара разрешилась девочкой, нестигаемый Авраам дал ей это имя. Однако девочка, еще до того, как начала ходить, раздражалась при слове «Исаак» гневным ревом, и успокаивала ее лишь ложка меда. Тору в переводе на ладино она не стала даже открывать, и первой ее книгой оказался «Горбун» Поля Феваля. Анри де Лагардер просто пленил девочку, и она принялась ходить согнувшись и косолапо: носки туфель торчали в разные стороны, а руки висели под прямым углом к телу. Никто не позаботился о том, чтобы разогнуть ее обратно; так возникло прозвище «Каракатица». Имя, обрекавшее на страдания под градом насмешек, было отброшено; осталось одно прозвище. Девочка поняла, что ей суждено стать злобной каракатицей, защищенной от мира панцирем. В одиннадцать лет она переломала своим сверстникам с десятков носов, и ни одна школа не соглашалась ее принять. У Авраама - между сводившим мозоли бормотанием и походами в синагогу - явно не оставалось времени для воспитания дочери. Каракатица выросла на улице. Она много чему научилась, как то: продавать дрянные часы втрое против их настоящей цены под предлогом, что они краденые, красить в черный цвет копыта лошадей, принадлежавших похоронщикам,

мыть и расчесывать собачек дорогих шлюх, изготавливать «контрабандный виски» из чая, сахара-сырца и аптечного спирта. В тринадцать лет у нее умер отец и случились первые месячные. Каракатица забралась голая верхом на гроб и стала изображать скачку, окрашивая кровью простое нелакированное дерево. Сара, при поддержке тут же возникшего нового мужа, прогнала ее из дому. Каракатица, с трагической маской на лице, объехала всю страну - длинную, тощую, непонятную, как ее отец, - и осела наконец на самом севере, в Икике, засушливом портовом городе. Туда спускались с гор пропивать жалованье добытчики меди и селитры, не обращая внимания на стлавшийся по улицам запах гниющей псины: он шел от фабрик рыбной муки. Каракатица устроилась служанкой в Испанский клуб - здание в «арабском» стиле, архитектора которого вдохновили картинки из «Тысячи и одной ночи» (потрепанное французское издание 18** года). Сгорбленная фигура Каракатицы портила посетителям аппетит, и ее определили на уборку отхожих мест. Через год у нее начали пробиваться усы. Невзирая на увещевания хозяина-арагонца, Каракатица отказалась их сбрить. Когда увещевания сменились издевательствами и оскорблениями, Каракатица своеобразно заявила о своем

увольнении: спустив невежливого хозяина с лестницы. После чего задала трепку двум официантам, которых посетила несчастливая идея вступить за хозяина: тот лежал на разноцветных кафельных плитках с парой сломанных ребер, исторгая скорбные стоны. Каракатице удалось скопить сколько-то денег, продавая в туалете почтенным членам клуба кокаин, смешанный с тальком. На эти деньги она открыла лавку, где занялась куплей-продажей золота. В конце концов, ей пришлось освоить ремесло зубодера. Дело в том, что пьяные горняки, спустив за две-три ночи полугодовой заработок, вставали в очередь у двери лавки, чтобы продать свои золотые коронки и пить дальше. Прошло два года, отмеченных засухой. Затем у горных вершин собрались тучи, небо почернело, послышался гром, показались молнии - и хлынул ливень, причем капли были с голубиное яйцо. Так продолжалось три дня. Никто не смел высунуть нос на улицу: ливень пробивал насквозь любой зонтик. Укрывшись в полутьме лавки, лишенная выпивки, Каракатица внезапно - в первый раз за свою жизнь - осознала, что она одинока.

Ей представился собственный скелет: тяжелый, холодный, он мог принадлежать кому угодно. Этот чужой костяк обрастал плотью, и Каракатица не

испытывала к ней ни грамма теплых чувств; неприязнь к самой себе рождалась в желудке, чтобы дойти до горла и произвести там глухое, неотступное жжение. Душу как бы пронзили гвоздем, и она была обречена корчиться вечно посреди студенистого мира. «Кто я? Может ли хоть кто ответить? Но как - ведь меня никто не видел? До чего мне больно! Я - рана, которая хочет зарубцеваться под чьим-нибудь взглядом. Лягушка, которой не превратиться в принцессу. Паяц, который может подарить только отвращение к себе. Мир равнодушен ко мне: что за пытка!» Она прислонилась к стене, покачиваясь вправо-влево, впитывая всеми порами своего тела мрак помещения, пока не стала совсем черной: тень, готовая завывать, как собака, из-за отсутствия у нее тела и души сразу.

Капли звонко стучали по цинковой крыше. Но вот сквозь их барабанную дробь прорвался крик - такой резкий, что казалось, уши протыкают тонкой иглой. Только сто процентно женская глотка способна была издать такой звук. У Каракатицы, неизвестно почему, родилось материнское чувство к этой самке, которой угрожала смерть. Вооружившись железной палкой - предназначенной для устрашения выпивших шахтеров - она выбежала на улицу.

Небо окутывал покров из серых туч, собранных в плотные складки. Вдали наблюдался некий бледный призрак, который понемногу приобретал все более отчетливые очертания. Каракатица увидела, что к ней бежит женщина с белой - белее белого - кожей: мука, соль, мрамор, молоко, саван. Преодолев водяную стену, женщина упала в ее объятия, трепеща, словно подстреленный альбатрос. Ростом она была примерно с отца Каракатицы. Мощные ступни, необъятные груди и ягодицы, совсем молодая; но под сумасшедше моргавшими ресницами обнаруживались розовые старушечьи белки. Ветер трепал ее белую шевелюру, открывая плечо со следом глубокого укуса. Ее преследовали трое буддийских монахов в шафрановых одеждах, возбужденно принохиваясь, рыча и брызжа слюной. Белокожая женщина укрылась за плечом Каракатицы, как за щитом. Та замахала железной палкой:

- Пошли вон, вонючие китайцы! Еще шаг, и я размозжу вам башку!

Монахи секунду помедлили и, не отводя своих взглядов от мраморной плоти, плохо прикрытой узким телом Каракатицы, выпростили руки из рукавов. Тридцать длинных, острых как наваха ногтей угрожающе протянулись в сторону

жертвы. Не в силах отразить натиск, Каракатица ударила палкой по земле.

- Чтоб вы провалились!

Земля повиновалась ей, издав необычайной силы рык. Разверзлась гигантская яма, куда с криками полетели преследователи. Затем пропасть, удовлетворившись сделанным, закрылась. Дождь перестал, выглянуло солнце, чтобы царствовать еще два года и, прославляя возвращение света, мимо радужным облаком промчались тысячи попугайчиков, хором повторяя: «Альбина, Альбина, Альбина...»

Огромная женщина выражала свою признательность детскими всхлипами и вовсе не собиралась куда-нибудь идти. Похоже, для нее не было другого пристанища в этом мире, кроме объятий Каракатицы. Та отвела ее к себе, усадила в кресло и с непривычной нежностью принялась смазывать йодом рану на плече.

глава 2. В ПОИСКАХ НЕВИДАННОГО

Альбина (так, в согласии со словами попугайчиков, окрестила ее Каракатица), как выяснилось, потеряла память. Не раз она бормотала что-то на непонятном языке: «Ом бадзра пуспе ахум сваха», или еще: «Бьямс дан сньин рье бтан»... Первое время ее надо было купать, кормить с ложечки, учить ходить в уборную. Альбина оказалась способной. Через полгода она уже могла говорить по-испански и ухаживать за собой, но сохранила невинный взгляд: в нем читалось, что все вокруг - абсолютно все - она видит в первый раз.

Каракатица попыталась кое-что разузнать, но никто не заметил, как в порту швартовался корабль из Азии. Возможно, он прибыл во время ливня, пока портовые рабочие прятались от атакующих капель, а отчалил как раз в то время, когда дождь уже стихал. Кто знает! Тайна эта так и не разъяснилась. Единственным следом прошлого у Альбины осталась татуировка - там, где начинается глубокая лощина между ягодицами: змея, пробитая тремя гвоздями, которые образовывали букву Т.

В рабочее время Каракатица одевала Альбину в белый халат: обмахивать потных шахтеров веером из грубой бумаги. Те, разинув рот, созерцали могучие холмы, обтянутые льняной тканью и забывали про зубы, вылетающие вместе с коронками. Ведь бледные женщины, подобные Альбине, не встречаются в тех краях: солнце за считанные часы дубит самую стойкую кожу. Вечером, испуская обезьяний рев и размахивая железной палкой, Каракатица выгоняла ненасытных пьянчуг, зачарованных выпуклостями Альбины. После этого она запирала лавку, посыпала пол порошком против насекомых и садилась в кресло, изображая на лице недовольство; но при этом прикрывала веки, чтобы из-под них не просочился радостный взгляд. Альбина скидывала рабочую форму и, оставшись голой, готовила разные вкусы: мясо и овощи, нарезанные в виде цветов, где острое, кислое, горькое и соленое беззастенчиво смешивались со сладким. Поглотив пищу, Каракатица громко рыгала, объявляла, что хочет спать, расстилала матрас. Огромная женщина уединялась в уборной, где пускала струю, наверное, белую, как она сама: «Не моча, а молоко, точно говорю!». Каракатица ложилась на спину - одетая с ног до головы, чтобы скрыть свое уродство, -

и, раскинув руки, притворялась спящей. Альбина приходила на цыпочках, устраивалась рядом и, положив голову на плоскую грудь своей спасительницы, мгновенно засыпала. Тогда Каракатица открывала глаза и час за часом прислушивалась к храпу Альбины, напоминавшему гудение тромбона. Когда же сон одолевал ее саму, она приоткрывала рот и принималась издавать такие звуки, от которых сотрясались стены, пол и потолок. Альбина вставала, уходила на пляж, плавала между фосфоресцирующих волн, похожая на светляка. Потом возвращалась домой, готовила завтрак и будила Каракатицу, целуя ее ноги. Та пробуждалась, краснея от удовольствия, и восклицала с притворным отвращением: «Черт побери, еще один день!»

Несколько месяцев протекли незаметно, как течет спокойная река. Поскольку Каракатица не верила ни в какого бога, чтобы поблагодарить кого-нибудь за неожиданную милость, она водрузила над дверью чучело попугая, а под ним - семисвечник.

- Святая птица, если все это должно закончиться, то пусть конец придет как можно позже!

Может быть, Каракатица ошиблась в птице или та оказалась глухой, но только через некото-

рое время перед лавкой торжественно возникли четыре карабинера с ордерами на арест.

- Гражданка такая-то, владелица Испанского клуба обвиняет вас в вооруженном нападении и торговле кокаином. Идите с нами, а иначе, мы поведем вас силой.

- Три года, как этому мудаку арагонцу сломали ребра! И вот он решил отомстить! Альбина, а как же ты? Ты даже зуба не сумеешь вырвать... А ведь меня могут продержат долго: с этими ребятами шутки плохи.

- Не волнуйся, Каракатица, я не умею обращаться с щипцами, но зато дружу с ножницами.

И Альбина, повысив голос, спросила самых изнуренных шахтеров:

- Кто будет стричься у меня?

Те рывкнули в один голос: «Я!», выплюнув при этом клочки ваты, затыкавшие дырки во рту.

Предварительное заключение продлилось сорок дней. Поскольку ни один член клуба не пожелал уронить свое доброе имя и выступить свидетелем, а ребра арагонца давно уже срослись, то Каракатицу освободили - к большому облегчению карабинеров, не выносивших сопения этой мерзкой паучихи в углу одиночной камеры.

Каракатица протерла глаза. И вот это - ее маленькая контора по удалению зубов? Скромный

когда-то фасад был выкрашен в лиловый цвет; на месте хилой деревянной двери - металлическая штора; над окном раскачивался красный фонарь. Включенный на полную мощность граммофон играл что-то вроде болеро. Каракатица прикрыла веки, будто встретилась с покойником, и заглянула внутрь. Множество молчаливых, неподвижных мужчин, по виду - впавших в транс, глядели в угол комнаты, где, стоя на деревянной бочке, Альбина в крошечных трусиках демонстрировала свои необъятные груди и покачивала бедрами в такт музыке. Время от времени кто-нибудь поднимался и сомнамбулически брел через комнату - засунуть купюру за резинку Альбининого одеяния. Несмотря на темноту, комната освещалась одним только попугайским семисвечником: белизна Альбины разгоняла мрак.

Каракатица приготовилась было издать свой обезьяний крик, разгонявший блох. Однако ее остановил взгляд Альбины, чьи розовые белки ярко блестели. Великанша спустилась с бочки и прошла между посетителями; те расступились перед белой плотью, как перед раскаленным железом. Подойдя к Каракатице, Альбина встала на колени и начала целовать ей пальцы на ногах.

- Хозяйка вернулась!

Публика зааплодировала. Каракатица, изображая на лице улыбку, скорчила совсем уж невероятную гримасу.

- Друзья, на сегодня закончено! Приходите завтра с утра, придумаем что-нибудь получше!

Не двигаясь, шахтеры устремили на Альбину вопросительный взгляд. Та подтвердила:

- Все, расходимся!

Мужчины повиновались без тени возмущения.

Обе женщины подсчитали, что в комнате четыре на шесть метров могут поместиться стоя, притиснутые друг к другу, больше ста человек. Надо было лишь оставить немного места для движений рук, чтобы зрители могли пить красноватую мистелу, - Каракатица готовила ее просто отменно. Мистелу делали так: в воду клали сахар и корицу, затем доводили до кипения - и когда она коричневела, добавляли водки.

Кроме того, решено было купить вертелы, чтобы жарить разное мясо - вымя, сердце, почки, печенку, филейные части. Каракатица гордо намалевала на вывеске: «Клуб 'Идеал'» и прибила ее к лиловому фасаду. Вместо бочки в углу комнаты соорудили треугольную платформу. И в довершение всего, трусики Альбины теперь были усеяны серебристыми блестками.

Клиенты - угрюмые шахтеры с тусклым взглядом и каменными лицами, - заполняли комнату и замирали под гипнозом белой богини. Мистела была крепкой: после дюжины стаканов у человека подгибались ноги. Он шатался, пускал слюни, но поддерживался в стоячем положении теми, кто выпил поменьше. Поздно ночью Каракатица прекращала разносить мясо и выпивку, выключала граммофон и накидывала на Альбину черное покрывало, словно на гипсовую статую. Горняки выползали задом наперед, долго прощаясь и крестясь напоследок. Компаньонки окуривали помещение, считали выручку, прятали ее за попугаем.

Дни скользили отныне мягко, точно шелк. Мужчины воистину обожествляли Альбину. Ни один из них, сколько бы ни выпил, не позволял себе оскорбить живую Мадонну. Каракатица, осознав всю глубину их экстаза - где вульгарное желание претворялось в подобие мистического поклонения - стала прислуживать в священнической рясе. Работа начиналась в восемь вечера, а заканчивалась в шесть утра. Женщины вставали поздно и шли на пляж; Альбина часами собирала агаты. Иногда в поисках красных камешков они забредали далеко между пустынных скал. Каракатица безмерно радовалась: ее, совершенно

нечувствительную к природе, занимала лишь собственная смерть, а незамутненный взгляд Альбины, для которой все было чудом, открывал ей мир. Благодаря этому невинному обожанию, этому переживанию каждой секунды как высшего счастья, Каракатица впервые пригляделась к благожелательному свету звезд, оценила траурную красоту жаб, прислушалась к песне тунца, объясняющегося в любви к океану, поняла, что тени мух - это буквы священного алфавита, узнала, что от каждого камня исходит свой особый запах. Дело в том, что по-детски непосредственная Альбина видела мир наизусть, будто ее подвесили за ноги. Слушая птичье чириканье, она рассуждала:

- В порядке важности сначала идет щебет, затем уже птица. На самом деле щебет был создан, чтобы существовала птица. Не наоборот.

Каракатица взволнованно отвечала:

- Я подарю тебе тетрадку, записывай туда все свои мысли, - и палочкой на песке учила ее письму. Альбина же взамен научила Каракатицу целоваться.

- Представь, что я мужчина (хриплым голосом).

- Не могу, в тебе от мужчины меньше, чем в любой другой женщине!

- Давай же, сделай усилие! Представь, что я страшно сильная и могу держать на руках всю землю. Отвлекись от всего, смотри, ты перестала давать, а только берешь, берешь, берешь. Представь, что твои губы - смерть, а мои - жизнь, и хватай, хватай!

Когда Альбина целовала ее, Каракатица скрючивалась обычным образом, превращаясь в упругий шар, и покрывалась гусиной кожей. Она сжималась еще больше - до хруста костей - в объятиях Альбины, чтобы потом внезапно обмочиться. Ата, перед тем как начать поцелуи, рисовала себе грязью усы и бороду. Каракатица размягчалась, чувствуя себя пробкой, что несется по бескрайнему океану. Когда же подруга размыкала объятия, она растягивалась на сухом песке, глядя в безоблачное небо, и от нее как бы оставалась одна голова. Это было просто нелепо - и Каракатица вновь скорчивалась, оцепенев, пускалась в путь между скал, обнимала встреченные по дороге кактусы, зная, что колючки не причинят ей вреда.

Счастливые дни закончились с появлением Бочкононогого, городского инспектора по налогам и штрафам. Он беспрестанно сморкался; на рубашке цвета хаки расплывалось потное пятно в форме таракана; левая нога была вдвое больше правой и

не вмещалась ни в один башмак, так что приходилось надевать альпаргату¹, странно выглядящую по соседству с лакированным ботинком. Речь его, лишенная всяких эмоций, сопровождалась выдыханием водочных паров.

- Значит так, подружки, посмотрим на правонарушения: отсутствие лицензии, несоответствие санитарным, техническим и моральным нормам. Вы не ведете бухгалтерии, не соблюдаете противопожарные правила, не платите налогов и скрываетесь от проверок муниципальных властей. Так вот, если вы не договоритесь со мной по-хорошему, клянусь своей распухшей ногой, я пришлю стражников, и они вас арестуют, а затем как следует потрясут!

- И что ты предлагаешь, белобилетник? - спросила Каракатица с трагической миной. Если этот выродок изобличит их как лесбиянок, то они, как и прочие гомосексуалисты, по приказу генерала Ибаньеса будут сброшены с самолета в море, в наручниках и с гирями на ногах.

Бочконогий усмехнулся, став похож при этом на циничного мальчишку, поглядел на груди Альбины и командирским голосом продолжил:

1 Альпаргаты — вид полотняной обуви на веревочной подошве.

- Я буду заходить за два часа перед открытием, чтобы донья Белозадая показывала мне все свои прелести! Уверен, что с течением времени вы оцените пользу моих посещений, поскольку, кроме разнообразных качеств, я выделяюсь еще и количеством, то есть количеством сантиметров, и в этом смысле ничем не уступаю жеребцу. Причем сеньорита должна выказывать как можно больше пыл: льготы будут действовать, пока она мне не надоест, а после этого - каталажка и соревнования по прыжкам в воду. Закон неприятен, но это закон.

- Сеньор инспектор, у моей подруги, к сожалению, месячные. Сегодня понедельник. Приходите в пятницу, и она примет вас, как вы того заслуживаете...

Бочконогий ухмыльнулся, пригладил усы и бросился на Альбину, запихнув язык глубоко ей в рот. Затем вытер губы о черную рясу Каракатицы, развернулся и удалился, насвистывая военный марш.

В пятницу Каракатица ждала его за полуоткрытой дверью. Посередине комнаты был расстелен матрас. Негромко играл граммофон, водруженный на треугольную платформу. Обнаженная Альбина под музыку вращала лобком, густо покрытым светлыми волосами.

Бочконогий с искаженным от желания лицом начал раздеваться. Когда он приготовился снять брюки, Каракатица поднесла ему стакан горячей мистелы. Тот проглотил ее одним духом.

- Все, хватит! Теперь, донья Уродина, отправляйтесь вон, если не хотите, чтобы я вышиб вас своей большой ногой! А ты, белая попка, ложись сюда, раскрой пошире свою киску, отдайся хозяину!

Сказав это, он расстегнул две пуговицы на ширинке и, не успев притронуться к третьей, повалился на пол спящим. Каракатица, подойдя к нему, кольнула здоровую ногу булавкой. Тот, не пошевелившись, по-прежнему громко храпел. Вдруг Альбина с каким-то непонятным стоном склонилась над ним и укусила за плечо. С куском вырванного мяса в зубах она моргала так, словно пробудилась от долгого сна. Каракатица тут же вычеркнула эту сцену из своей памяти.

- Аптекарь не соврал: пять таблеток снотворного свалят даже слона! Одевайся, Альбина, а я раздену этого типа.

Они положили в кошелек деньги, спрятанные за попугаем, сожгли одежду инспектора, заперли дверь и поехали на велосипеде-тандеме в северном направлении, по узкой прибрежной дороге.

- Альбина, я знаю, есть такое место, где не пахнет гнильем, где происходит необычайное: прекрасный город, похожий на тебя, без всяких Бочконогих, готовых на тебя покуситься! Давай путешествовать, пока не найдем его!

глава 3. ШЛЯПНИК-ПРОВИДЕЦ

Каракатица работала ногами, сидя на переднем седле. Альбина, устроившись сзади, механически двигала гигантскими ступнями и, не заботясь об управлении, писала в своей тетрадке: «Не знаю, куда я еду, но знаю, с кем. Не знаю, где я, но знаю, что я здесь. Не знаю, кто я, но знаю, что я чувствую. Не знаю, как избежать удара, но знаю, как на него ответить. Не знаю, как отомстить, но знаю, как спастись бегством. Не знаю, что такое мир, но знаю, что он - мой. Не знаю, чего я желаю, но знаю, что желаемое мной желает меня». Так они вдвоем покинули Икике. Покрытые толстым слоем пыли цвета кофе с молоком показались фабрики рыбной муки, извергавшие густой дым, который вылетал из трубы, чтобы достичь земли и пустить в ней корни. Острый смрад от жуткого мяса, от гниющих внутренностей забивался в поры, заражал кровь, пытался изъязвить душу. Каракатица пересадилась Альбину вперед и уткнулась носом в ее могучее плечо. Зловоние было стаей демонов, рожденных внутри ее кишок, а благоухание белой кожи -

оправданием мира. Дыша осторожно, они преодолели два десятка километров. За пологим берегом открылся океан, распространявший соленый запах вплоть до подножия гор; те отвечали на щедрую ласку тысячью ароматов охристой земли.

- Давай остановимся - подышим воздухом, поедем. И заметь, Альбина: стоит мне пройтись по кромке берега, вдоль скал, как меня оцепят со всех сторон крабы.

Так и случилось: сотни морских животных выползли из своих убежищ и принялись преследовать Каракатицу. Женщинам нетрудно было поймать пару крабов, вскрыть, испечь мясо на раскаленном камне и съесть в окружении созданий, льнувших к ногам той, которую они считали своей повелительницей.

В замочную скважину проник луч света и задержался на лбу Бочкононого. Он проснулся, не сознавая, что раздет. Затем он поднял здоровую ногу и почесал ею за ухом; пошел на кухню, где полизал снег, застывший на морозилке. Дверь не подавалась, так что ему пришлось приподнять несколько досок, устилавших пол, и пальцами прорыть ход в глинистой почве. Оказавшись снаружи, Бочконогий завыл на умирающую луну и стал принюхиваться к земле.

- Ммм... здесь они остановились и сошли... ммм... здесь помочились и... ммм!..

Урча от удовольствия, он набросился на Альбиныны кашаки. За этим постыдным занятием его и застигла береговая охрана. После хорошей трепки, невзирая на жалобные причитания, инспектора потащили в полицейский комиссариат. Там через два дня к нему полностью вернулся рас-судок. Рана на плече зарубцевалась, оставив после себя фиолетовый шрам в форме полумесяца.

- Эти ведьмы получают по заслугам! - И Бочко-ногий усердно оттачивал наваху.

Узкая дорога, проложенная инками вдоль обрывистого берега, казалось, висела над пропа-стью. Далеко внизу волны подзывали к себе обеих женщин, коварно причмокивая, точно гигантские губы. Но, к счастью, вскоре местность сделалась плоской. Теперь путь пролегал через дюны. Альбина разделась и, побежав по горячему песку, вступила в ледяную воду. Каракатица сделала то же, но не раздеваясь. Они плавали, резвились, ели морских тварей, допивали остатки взятой с собой воды, хотя и знали, что если им вскоре не встре-тится деревня, то язык распухнет от жажды.

Вдруг с проплывавшей мимо лодки в воду упало с десятков котелков. За ними посыпались

соломенные шляпы, фетровые шляпы, кепи, цилиндры, панамы и самые невероятные борсалино. Прибой нес их к берегу, словно армаду мелких суденышек. Любопытствующие женщины взобрались на крутую скалу. Внизу, на песке, небольшой человечек - однако нормального телосложения и значит, не заслуживший прозвища гнома, - глядел в океанскую даль посреди множества шляпных картонок. Внезапно он разразился резким хохотом, побежал к высоким волнам, вошел в них, принялся погружаться в беспокойные воды.

Альбина прыгнула в море, мощными гребками доплыла до утопающего, отключила его ударом в челюсть и доставила обратно на песок. Каракатица заорала на нее:

- Зачем это? Жить надоело? Не вмешивайся в его судьбу! Хоть он и сморчок, но мужчина, а одним мужчиной меньше - это всегда хорошо!

Спасенный открыл глаза и с доброй улыбкой произнес:

- Сеньора, возможно, моя судьба - именно в том, чтобы спастись благодаря вашей спутнице. Скажу больше: возможно, я здесь для того, чтобы поучаствовать в исполнении вашей судьбы. Намерения Неизъяснимого облакаются в самые неожиданные события. Но я вижу, вы ели крабов:

позвольте мне растолковать язык этих пустых оболочек.

Человечек внимательно изучил панцири.

- Белая дама, покинувшая кафе-храм... это может означать и благодать, и проклятие. Она меньше или больше, чем просто человек. А вы, сеньора Вспыльчивая, кажется, ненавидите мужчин из-за схожести их с вашим покойным отцом-мозольщиком, длинным и тощим. Я же - полная противоположность ему: невысокий, плотный, шляпник по профессии. Так что можете полностью мне доверять и принять в вашу компанию.

- В нашу компанию? Бред собачий!

- Погодите, я не закончил. Вас обеих преследует опасный враг. Одна танцует, другая обо всем хлопочет. Вы ищете спокойного места, чтобы сделать остановку. Тут появляюсь я. Недалеко отсюда, в ущелье, близ реки Камаронес - маловодной, но благословенной в наших пустынных краях, - стоит мой родной город Каминья. О нем мало кто знает, потому что шоссе проходит вдалеке от него, и добираются туда только пешком или же верхом на мулах. Еще лет сорок назад с гор, из рудников Чанабайя, спускались добытчики серебра. Они покупали у моего отца всевозможные шляпы, чтобы покрасоваться перед местными проститутками.

Но серебряные жилы истощились, горняки откочевали в другие области, а за ними - и девицы. Я унаследовал громадный магазин, полный шляп, цилиндров, котелков. Они обращали ко мне унылые суконные физиономии, жестоко тоскуя по головам. Эти-то немые жалобы и доконали меня. Не умея ничего, кроме как торговать шляпами, и принужденный из-за своего роста обходиться без подруги, в приступе отчаяния я решил упокоиться в море вместе с моими фетровыми товарищами по несчастью. Но как видно, судьба распорядилась иначе. Идемте со мной, вы получите все, чем я могу поделиться: превосходное помещение в самом центре города! Там вы сможете открыть - так говорят мне останки крабов - кафе-храм!

Пытаясь скрыть улыбку за суровой миной, Каракатица посмотрела на подругу, уверенная, что та выразит согласие хрустальным смехом. Человечек объявился именно тогда, когда они начали терять надежду, когда будущее представилось неуловимым... Но лицо Альбины - может быть, из-за того, что день внезапно скончался, укушенный полной луной, - напряглось так, что белая кожа сделалась гранатовой. Она обнажила зубы, словно зверь - клыки, открыла рот, откуда вырвался шершавый черный язык, одним прыжком накинулась на

шляпника, обняла до хруста костей, содрала с него одежду, стала тереть себя им, как если бы несчастный был губкой, укусила за левое плечо, вырвав и с наслаждением пожрав кусок мяса - и уселась, издавая стоны от спускавшегося по телу удовольствия, повторяя часами непонятные слова: «Бхаван абхаван ити я праджанате... са сарвабхесу на джату санджате...» Каракатица, по-прежнему суровая, подавив в себе изумление (такие поступки Альбины следовало принимать без рассуждений, как священную кобру) подобрала разбросанную одежду, достала из коробочки нитки с иглой и приступила к починке, накладывая по-морскому ровные швы. Шляпник, надолго застыв от ужаса, временами издавал короткий лай или вертел задом, поднимая и опуская воображаемый хвост. Скоро рассвело. Только лишь первый луч солнца коснулся ее щеки, Альбина, хотя и не засыпала, как будто пробудилась от глубокого сна. Бледная как обычно, она подошла к жертве и лизнула ей плечо. Рана моментально зарубцевалась, оставив после себя лиловый шрам в форме полумесяца.

Пока Альбина успокаивалась, дыша морским ветром и поднимая руки, похожая на гигантского альбатроса, Каракатица одевала их нового товарища. Натягивая на него брюки, она приятно

удивилась члену - короткому, крепенькому и розовому; он скромно высовывался из мошонки, складки которой напоминали некий древний лабиринт. Собственное восхищение этим отростком - величественным и забавным одновременно - привело Каракатицу в бешенство. Она шлепнула коматозника между лопаток. Тот вздрогнул. Каракатица едко сказала:

- Ну что же, дон Такой-то. Если ваша милость утверждает, что нас троих связала общая судьба, мы не станем упрямыться и пойдём в Каминью, которая нас ждёт. Но прежде чем сделать первый шаг по этому судьбоносному пути, назовите свое имя. Я - Каракатица, всегда к вашим услугам, а мою подругу, соответственно цвету кожи, зовут Альбина.

- Донья Каракатица, сеньорита Альбина, вот уже много лет все зовут меня Шляпником... Но, сгорая от стыда - окрестить меня так было вопиющей несправедливостью - открою вам тайну: имя мое Амадо¹, а фамилия - Деллароза, вроде бы итальянская. Любимый... прекрасной как роза девушкой! Что за глупости!

И человек зарыдал.

Каракатица смачно плюнула в сторону гор, потому что в горле у нее вырос ком.

1 Любимый (исп.).

глава 4. ТАМ, ГДЕ НЕ УМИРАЮТ

Они шли по засушливой долине, где твердая, ссохшаяся земля была покрыта сетью изломанных трещин. Амадо Деллароза вел женщин по обрывистой тропе, которая вела вперед, отступала, поворачивала влево, после невысказанно долгого изгиба уклонялась вправо, выпрямлялась и так - сотни раз. Каракатица временами потряхивала головой, стараясь отогнать навязчивую мысль: о том, что прихотливая тропинка в точности напоминала лабиринт морщин на мошонке маленького человечка. Альбина, вероятно, под воздействием напекавших ей голову солнечных лучей, упорно бормотала одно и то же: «Увидеть в корне будущий цветок», пока - наконец-то! - впереди не открылось плоскогорье со стадами свиней, а на нем - Каминья.

Каминья - довольно широкое кольцо домов и главная площадь посредине, где росли четыре высоченных кипариса, стволы которых были сплошь усеяны глазками, - походила на город-призрак. Ни души, животной или человеческой. Не качались кипарисовые ветви, не колыхались занавес-

ки, не жужжали мошки. Город сверкал - чистый, сухой, неподвижный, безмолвный.

- Друзья мои, не думайте, будто Каминья - это кладбище. После полудня наступает такая жара, что каждый укрывается в полумраке своего жилища вместе с домашними животными. Сиеста длится шесть часов. Что же касается диких животных, то они роют норы на пустынной равнине, спасаясь от жары в тесном, но прохладном убежище. Вечером температура падает, и заведения, которые у нас в городке еще остались - парикмахерская, бильярд, трактир и бакалейная лавка, - открывают свои двери, жители же прогуливаются по единственной улице-кольцу: мужчины в одном направлении, а женщины - наоборот. Причем они только смотрят друг на друга и обмениваются приветствиями, и все. Ничего необычного у нас не случается. После того как истоцились копи Чанабайя и горняки ушли, косая тоже покинула нас, вместе со шлюхами и с тех пор - Бог знает каким чудом - забыла про нас. И вот уже много лет в Каминье никто не умирает. Когда старикам объявляют, что молодые должны заступить на их место, они удаляются в пустые галереи, протянувшиеся под землей на много километров. Нам известно, что они живы: время от времени оттуда доносятся

старинные любовные напевы. Никто не проверял этого - шахты внушают нам ужас - но, кажется, старики едят красную глину. Мы же научились выращивать степных пчел. Это существа редкой породы - мирные, если к ним приближаться на цыпочках; но тот, кто подойдет к ним, ступая обычным образом, будет безжалостно искусан и рухнет на землю в беспамятстве. Поскольку цветов в наших краях нет, то пчелки приучились питаться соком морских водорослей, давая превосходный соленый мед. Вы уже заметили ульи на крышах наших домов. Глухонемой Пинко отвозит мед на ослах в Арику, где его расхватывают туристы, и эта торговля позволяет нам выжить. Мы скучаем, да, но в какой-то мере наслаждаемся бесконечной жизнью. Понимаете, если конца не видно, то меняется строй мыслей. Делать ничего больше не надо, лень из порока становится добродетелью; в спокойствии, избавившись от забот, можно смаковать каждое мгновение; ненужная больше надежда покидает душу вместе со страхом. Когда ты уверен, что будешь жить и жить, единственным желанием становится уснуть и видеть счастливые сны. Радости одиночества приходят на смену обременительному совокуплению. Обольщение, которому не сопутствует смертная

тревога, превращается в докучную обязанность. Все женщины носят мешковатые черные платья и косынку на голове. Неважно, на ком из них жениться, и даже это делается с одной целью: занять дом, освобожденный каким-нибудь стариком. Теперь вам ясно, почему я выкинул свои шляпы в море и пожелал упокоиться среди волн? Жизнь без смерти - это не жизнь! Но я заболтался, пора идти в шляпный магазин...

Никто не удивился новопришедшим, хотя шаги их - как бы женщины ни старались ступать осторожно - отдавались по белесому асфальту, точно барабанный бой. Внезапно крупная, ярко-красного цвета, пчела принялась описывать круги вокруг Каракатицы.

- Не шевелитесь, - прошептал шляпник - это пчела-воин-шпион, она может укусить без потери жала, а яд ее смертелен.

Каракатица оледенела, несмотря на жару; на нее словно вылили тонну холодной воды. Ужас ее сделался еще сильнее, когда насекомое медленно подобралось к Альбине. Та, улыбаясь, покачивая бедрами, открыла рот и высунула язык. Пчела села на него и начала собирать слюну. Насытившись, она изобразила жалом небольшой крестик на белой гортани Альбины, затем другой - на горле

Каракатицы и молнией исчезла в направлении своего улья. По всем крышам поднялся шум, похожий на шорох дождя.

- Уф, - облегченно вздохнул человечек, - вы обе приняты! Аллилуйя! Не стану говорить, скольких контрабандистов и бандитов не пропустили наши стражницы. Без их разрешения чужой не может войти в город.

Каракатица подавила в себе ярость. Этот карапуз вот уже во второй раз осмелился без предупреждения подвергнуть риску жизнь ее подруги. Собственная жизнь не стоила для Каракатицы ни гроша, но Альбина... Черт! Увидишь мужчину - жди несчастья! И все же, когда этот жалкий карлик поднял металлическую штору и с ангельским лицом, с голубиными глазами, делая приглашительные жесты, провел их в обширное помещение, где табелями можно было сложить не меньше тысячи таких, как он, - в этот момент горькая слюна во рту Каракатицы сделалась сахарным сиропом.

- Спасибо вам, дон Амадо!

Человечек - теперь внушавший симпатию - повернулся лицом к ней, встал на цыпочки, подставляя лоб. Каракатица с отвращением наморщила нос - и вдруг ее сердце и губы будто связала прочная нить. Впервые в жизни она улыбнулась

мужчине и, склонившись, растворяясь в облаке нежности, поцеловала его между бровей. Послышался хрустальный смех Альбины; она разделась и, сверкая в полумраке мраморными ногами, пустилась в пляс, кладя начало новому кафе-храму.

На мотоцикле защитного цвета Бочконогий ехал по шоссе в сторону севера. В его твердом конце собиралась кровь, пропитанная ненавистью. В правой руке дрожала наваха, сверкавшая от ненависти. Так что им управляли две эти оконечности тела: одна требовала удовольствия, другая - мести. Хотя андский ветер смел с плохой дороги все запахи, третья оконечность его тела, а именно нос, с необычайно развитым обонянием, улавливала следы пребывания бледной женщины. То был влажный, маслянистый, едкий, кисло-сладкий, лиственный, душистый аромат: аромат цветов плюща, открывающихся на рассвете. Ммммм!.. И тут невыносимый смрад изгнал Бочконового из обонятельного рая. Из ноздрей показалась кровь. Послышались жалобные вопли: инспектор проезжал мимо фабрик рыбной муки. Он закашлялся, потерял равновесие и, вылетев из седла, перевернулся, словно кошка, чтобы упасть на четыре лапы возле самого обрыва; между тем, мотоцикл скрылся среди скал метрах в ста пониже. Оставив позади

липкую вонь, заражавшую местность, инспектор побежал на пляж, чтобы погрузится в ледяные волны. Его рвало. Когда соленая вода вымыла мельчайшие частицы, источавшие зловоние, он энергично встряхнулся. Тело его на какой-то миг оказалось в ореоле золотистых капель. Бочконогий удовлетворенно заворчал: он нашел велосипед, оставленный в самом начале узкой тропы. Затем тщательно обнюхал его, от руля до шин, облизал седло, просевшее под тяжестью Альбины, и, движимый веселой ненавистью, скалясь по-собачьи, побежал по тропинке, скорчившись, опираясь на руки и ноги сразу... Вскоре бесконечные повороты и петли привели его в раздражение. Он устался на север - свою цель - и свернул с дороги, чтобы двигаться по прямой. Взбешенный и удивленный, вечером, после многих часов рысистого бега, Бочконогий обнаружил, что вернулся в начало тропы. Здесь по-прежнему лежал велосипед, но теперь уже облепленный крабами.

глава 5. ПЧЕЛЫ, ПТИЦЫ И ПСЫ

Помещение удалось подготовить за три-четыре часа. Это оказалось легко: по сути дела, его надо было только очистить. Выкинули прилавок, стулья, картонки, болванки, соломку, куски фетра, кучу мешков со шляпами. Все это убрали в подвал. Посередине обширного зала водрузили бывшую винную бочку - подмости для Альбины. «Чем меньше делаешь, тем лучше выходит», - как говорила Каракатица. Ни одна пылинка не должна была омрачать сияние белой жрицы. Амадо по-дурацки улыбался и повторял: «Да, сеньорита, одна тучка в небе - и день уже пасмурный». В чуланчике поставили электроплитку, чтобы греть мистелу, бутыль с аптечным спиртом, глиняные кувшины с корицей, ящик сахара. Притащили два матраса: побольше - для женщин, поменьше - для их компаньона, который неожиданно оказался неплохим рисовальщиком. Клуб решили открыть тем же вечером, безо всяких объявлений, не считая заманчивой вывески: «Мир танца».

В однообразном существовании городка малейшее событие производило эффект бомбы. После сестры мужчины ходили по кольцевому бульвару, перемигиваясь между собой и кивая на вывеску; а женщины напускали на себя безразличный вид.

У Амадо нашелся старый граммофон и единственная пластинка - сборник грегорианских песнопений. Тонкие, высокие монашеские голоса, шедшие из самых яичек, не могли подвигнуть Альбину на соблазнительные телодвижения. Все же она забралась на бочку и, оцепенев, ждала, что звук проникнет во все поры ее кожи. Напрасно: глотки кастратов не были приспособлены для того, чтобы ввести ее в чувственный транс. Альбине это не понравилось, она засвистела - долго и пронзительно. Тут же с гор послышалось хлопанье сотен крыльев. Скоро помещение заполонила стая попугайчиков, маленьких, точно воробьи. Судя по хриплым голосам, все это были самцы. Они спустились на пол - получилось что-то вроде зеленого ковра - и начали подражать поющим. Пение попугаев породило в теле великанши озноб, пронявший ее до самых тайных глубин души. Увидев, как она изгибается, человек задрожал, прикрыл свой член обеими руками и рухнул на колени - красный, напряженный, пылающий, полный сты-

да. Он только и смог воскликнуть - перед тем, как упасть в обморок:

- Простите, досточтимая Каракатица!

Та покраснела. Никогда ни один мужчина не называл ее так. Она тряхнула головой, пососала ус и вылила на Амадо стакан воды, дружески по нему похлопав.

- Ну, поднимайтесь! Сейчас клиенты придут!

Деллароза пробормотал в беспокойстве:

- Невозможно! Эту женщину нельзя показывать раздетой, она кого хочешь доведет до инфаркта!

Не прекращая плясать, Альбина высунулась наполовину из окна, выходявшего в патио, сжала губы в трубочку и издала всасывающий звук. Рой красных пчел одел ее с ног до головы: смертельно опасные охранники!

Как только закатилось солнце и тень от гор окрасила плоскогорье в черный цвет, к новому заведению потянулась вереница молчаливых мужчин. Так установился ритуал, повторявшийся затем неделя за неделей. Поклонники приходили, толпились вокруг бочки, все теснее и теснее, шевелясь лишь самую малость, чтобы занимать поменьше места, пока не сбивалась плотная масса из шестидесяти человек. Между ними даже иголка

бы не втиснулась. Каракатице пришлось продавать мистелу у дверей, вливая ее прямо в рот, поллитра на прихожанина. Горячительное действие алкоголя, выводимые птицами грегорианские песнопения плюс тело весталки, колыхавшееся под жужжащим покровом из преступных пчел, переносили мужчин в другое измерение, где каждый растворялся в расплавленной магне общей плоти, а могучая самка была ее магнитным полюсом. Понемногу пчелы одна за одной отлипали от лица, принимаясь летать вокруг Альбины. Открывался бледный лоб, поддрагивающие ноздри, рот с непристойно яркими губами, пахнувшая ладаном шея. Когда обнажались груди, по нализовавшейся толпе проходил глухой шепот, выражавший переизбыток зрительных ощущений вкупе с недостатком осязательных. Дойдя до пупка, пчелы останавливались, как если бы хотели продлить ожидание. Внезапно они взрывались в жужжании, и те, кто закрывал низ тела, соединялись с остальными в царственном круговом полете. Живая скульптура медленно - будто весила не меньше тонны - поднимала правую ступню и касалась лба. Приоткрывалась покрытая влагой расщелина, ярко-красная, как пчелы. Из мужских ртов обильно текла слюна. Альбина ждала, пока ее крылатые

прислужницы не слижут нектар ее лона, чтобы, насытившись, возвратиться в ульи. Тут у многих зрителей подгибались ноги, но из-за тесноты они не падали, с выкаченными глазами плывя по морю плоти, точно обморочные пеликаны. Так продолжалось до зари. Как только небо окрашивалось в алый цвет, попугаи прекращали петь и засыпали. Амадо переставал крутить граммофон. Каракатица повелительными жестами выгоняла клиентов обратно на кольцевой тротуар, где их поджидали закутанные в черное женщины. Растаявшие от блаженства мужчины падали в их объятия, горько рыдая. Их уводили домой, совсем как детей. Впуская парочки, двери домов запирались одна за другой с резким «блямс!», и даже снаружи было слышно, как ходят ходуном кровати.

Обе подруги - обнаженная красавица и одетая горбунья, - обнявшись, спали от зари до заката, спали наконец-то спокойно. Каракатица не могла желать ничего лучшего: трудно поверить, но они нашли чистый городок, где рождаются чудеса, городок без разных вонючих Бочконогих, с вежливыми мужчинами и скромными женщинами. (В конце концов, именно женщины оставались в выигрыше, когда, благодаря Альбине, у их спутников жизни поднималось кое-что). С другой

стороны, шляпник проявлял необыкновенную деликатность. В то время как Альбина медленно извивалась, распространяя райские ароматы и адский жар, Амадо нечеловеческим усилием побеждал снедавшую его похоть, вертел головой, пока не находил Каракатицу своими глазами доброго дурачка, и шептал ей: «Это не из-за нее должно быть, а из-за вас, почтенная Каракатица!» Та не понимала его или не желала понимать, однако покрывалась гусиной кожей, а губы ее складывались в нестрашную улыбку. Она отметила про себя, с несвойственным ей волнением, что под взглядом человека усы ее начали выпадать.

Отсутствие смерти в городке принесло всем глубокий покой. Мышцы теперь не напрягались в безнадежной попытке избежать мрачного события, тело в счастливой уверенности, уносимое течением сна, погружалось в полную пустоту. Каждая пора Альбиной кожи источала особый аромат, а все вместе напоминало буйство запахов тропического леса. Каракатица, чувствуя себя одним огромным носом, жадно прикивала к щедрой коже. Иногда их будило - ненадолго - какое-то постороннее шевеление. Сквозь сон они осознавали, что это шляпник прикорнул возле них, мурлыча по-кошачьи. Вот что каждый раз собиралась

сказать Каракатица: «Убирайся, наглый карлик! Что ты делаешь здесь, как опухоль между моих лопаток? Или ты не знаешь, что границу между матрасами переходить запрещено? Да это настоящее преступление!» Но она не выталкивала нарушителя на его территорию, а изгибала спину и прижимала свой зад к животу шляпника. Чтобы скрыть это от самой себя, она засыпала как можно быстрее.

Как-то раз во вторник (выходной день), когда в тяжелом оранжевом небе уже показалась круглая луна, Каракатицу разбудил жалобный вой. Две вещи вызвали ее удивление: Альбины не было в постели, Амадо же, голый, покрытый шерстью, раскрыв рот - или скорее, пасть, полную острых зубов, - больше походил на пса, чем на человека. Содрогаясь всем телом, будто внутри его боролись две враждебные силы, он пытался что-то говорить, высунув шершавый язык, исходя слюной.

- Аууууа! Ооооо! Душа... сердце... драгоценная рана.... больше, чем равнина... больше, чем океан.... больше, чем небо... тысячи жал... это называют лаем... мать моих вздохов... Любовь!.. Святая!.. Смертная!... Лающая!... Аууууа! Ооооо! Цветок в моем мозгу!... Смотри, мы сгораем!... Я вдыхаю тебя, ты в земле, ты в воздухе, запах, моча,

пот, сладкие губы, лизать твою тень, черный саван, кататься по полу, умереть у твоих ног, я умру весь, твой, твой, твой!... Но другая... Аууууа! Ооооо! Другая! Ааа!... Псоматерь, укусы, раб, ароматы, ланцет, зад, наслаждайся, хищная веревка, бешеный, вихрь, впитывай, требуй, замораживай, разъедай, член, яички, стрелы, накал, скакать, лететь, провалиться у ее ног, лизать, лазать, серебряное лоно... Аууууа! Ооооо! Свора псов... Но против псов... ненасытный туннель... с'париваться... спариваться... Вестница дурной луны... Тысячи алых губ!... Ухожу!... Не хочу!... Пвяжи меня, повелительница!

глава 6. ПРОТИВОЯДИЕ

Бочконогий яростно потрянул землистой шевелюрой. Он обнюхал оба седла, заворчал, уловив запах Альбины, наклонился и в ритме бешеного метронома принялся тереть свой гранатово-красный отросток о жесткую кожу, пока не облил ее терпким семенем. Потом облизал липкую поверхность, утоляя жажду. Затем пораскинул мозгами. Двигаясь по прямой, он почему-то пришел обратно к отправной точке. И что теперь? Надо было идти и не сворачивать с извилистой дороги. Вот мерзость! Чтобы утихомирить свой гнев и подчиниться власти дорожных поворотов, он от души помочился. Взять ее, перерезать ей горло, засунуть язык ей в зад, пожрать, начав с кишок!

Каракатица посадила шляпника-пса на цепь. Когда совсем стемнело, глаза полузверя заблестели, как угольки. С его конца закапала зеленоватая пена. Член вздулся у основания и стал похож на лампочку. Говорить для Амадо становилось все труднее, и каждое слово сопровождалось лаем.

Сеньора Каракатица сообразила, что, несмотря на свои пышные формы, Альбина не ела почти ни-

чего: несколько зернышек риса в день. На самом же деле она питалась плотью своих восторженных поклонников. Каждую ночь она отгрызала не менее семи кусков: от плеча, от основания шеи, от мякоти руки. Из ран текла густая кровь, они быстро затягивались, оставляя после себя лиловый полумесяц. Через зубы женщины-жрицы в тело проникал собачий вирус, безвредный большую часть месяца, кроме ночей полнолуния. Тогда он пробирался в артерии и вены. И Альбина, и ее жертвы как бы раздваивались. Как люди, они участвовали в танцевальном обряде, убаюканные томными движениями, пчелиным жужжанием, хором из воробьев и попугаев. Но в эти мгновения они являли собой лишь полые оболочки, призраки. Убегая в холмы - теперь уже четвероногие - мужчины преследовали белую суку; а та останавливалась время от времени, позволяя им совокупиться с собой. Двадцать, сорок, сто самцов брали ее, вытягивая морды к небу, пытаясь облизать луну. Она же, неутомимая, выжимала из них семя, еще и еще, пока самцы не валились вокруг нее, словно мешки с размягченными костями. А вот во вторник был выходной, никому не требовалось превращаться. Поэтому Альбина и не ложилась в постель. Лисица из лисиц в горах истощала мужскую силу. Аууууа!.. Ооооо!..

Амадо одним рывком порвал цепь. Он подавил в себе урчание, спрятал клыки и пробормотал:

- Нет... не могу! Тело... целиком... все семя! Я чувствую, повелительница! Надо... идти! Умоляю... иди со мной! Ты знаешь, как... ты... смирить ее!

Зигзагообразная дорога поднималась по гористому уступу к долине с твердой почвой. Враждебная и бесплодная местность, где обретались змеи и веселые пауки: за неимением насекомых, они поедили друг друга, издавая с помощью челюстей нечто похожее на резкий хохот. Вдали бежала свора собак. Каракатица припала к камню, чтобы наблюдать, оставаясь незамеченной. От нагретого солнцем гранита кожа покрылась волдырями, но она не пошевелинулась... Внезапно белая сука остановилась, выпятила зад, подняла хвост и отдалась преследователям. Те, бешено отталкивая друг друга, принялись жадно вылизывать обе дыры. Потом овладели самкой под общий лай. Каракатица покачала головой. Нет, эта похотливая сучка не могла быть ее скромной, стыдливой Альбиной! Однако же пухленький зверек рядом с ней свидетельствовал о том, что человек может превратиться в собаку. Глаза Каракатицы наполнились слезами. Когда ее обожатель поскакал прочь, будто сорвавшийся с привязи породистый скакун, работая зубами, ворвался

между разгоряченных сородичей, нервными толчками вошел в задний проход сучки, - железная рука сжала ей горло. Но время не спешило избавиться от тяжести. Каждые десять метров требовали таких усилий, что добраться до стаи заняло бы не один час. И вдруг, быстрее молнии, прижавшись к земле, оставляя позади столб пыли, мимо нее промчался грязный и вонючий уродец со вздутой ногой. На спине существа виднелось пятно в форме таракана. Вой его стлался по земле, как подожженный порох; вот он бросился на свору. Всеобщее оцепенение позволило ему подобраться к вожделенной добыче, вонзить клыки в белую спину. Альбина встряхнулась, так что нападающий захлопал, словно зловонный веер, но не разомкнул челюсти, пытаясь перекусить позвоночник. Остальные псы в ярости перешли в наступление, и ему пришлось, рыча, оторваться от своей жертвы. Бешенство уродца было так велико, что в драке он один стоил всех. Беспощадно работая клыками, он заставил соперников отступить. Ошеломленная свора понеслась прочь, истекая кровью, которую с наслаждением впитывала пересохшая земля. Впереди бежала белая сука, и рана ее напоминала раскрытую розу... Каракатица стала тенью скалы. Сомнения исчезли: плотоядным чудовищем был Бочконогий. Она пожалела,

что у нее с собой нет железной палки-отгонялки - проломить ему череп. Опасность была явной и близкой, и Каракатица, спасая шкуру через слияние с уродливым пейзажем (что, учитывая ее облик, было нетрудно), могла только молиться. Но кому? Бородатому старику-богу, едва-едва сводившему мозоли с ног? Каракатица решила обратиться к той единственной, исключая Альбину, сущности, которая поддерживала ее жизнь, а именно к пиву. «О божественный напиток, так же, как ты отгоняешь печаль, отгони этого злого демона. Спаси сперва мою подругу, потом моего коротышку, а если у тебя останется после этого хоть капля милосердия, спаси меня!» Пиво осталось глухо к мольбам. Три самых упорных пса все еще бежали, чуть живые. Бочконогий настиг их в том месте, где начинались горные склоны, обрывавшиеся в сторону Каминьи. Там он перегрыз псам глотки. Собачьи трупы покатались по склону холма, вплоть до первых домов городка. Остальная свора окаменела от ужаса; извилистая дорога словно склеила их воедино. Атакующий, в полной уверенности, что скоро заполучит самку, припустил за ними, насколько ему позволяли три здоровые ноги. Но тут он оказался вынужден спастись бегством в сторону холмов: путь ему внезапно преградил пчелиный рой. Толстеный песик издал

вздых облегчения, отстал от товарищей - те, поджав хвосты, возвращались по домам, - и отправился в сопровождении летучих охранниц на поиски Каракатицы, чтобы в безопасности вернуться домой вместе с ней. На вершине самого высокого холма злобный враг выл на луну - но ее скрыла единственная туча, принесенная порывом ветра с гор. Бочконогий понуро побрел в сторону пустыни. Там он будет питаться пауками и дожидаться, пока серебристое светило опять не выгонит навстречу проклятую суку... Спустившись вниз, Амадо Деллароза вновь обрел человеческий облик; Каракатица печально смотрела на него. Вокруг валялись три человека, из горла их хлестала кровь.

- Госпожа вернулась, - проговорил коротышка.
- Громкий лай привлек ее внимание, и она вспомнила о нас, как же иначе? Вот она снова здесь, и, как раньше, ткет паутину между четырех кипарисов...

Каракатица заметила в середине площади, между плотных стволов, неясную фигуру. Это могла быть старая дама, завернутая в плащ, или гигантский черный паук.

День упал с неба, будто чайка, пикирующая в надежде поймать рыбу. Он разогнал тени - все, кроме отбрасываемых кипарисами. Деревья сделались темной сердцевиной света. Альбина стонала,

распростершись на матрасе, будто ей снились кошмары. Простыни были в пятнах крови, а посреди Альбининой спины зияла рана с неровными краями и виднелись кости позвоночника. Каракатица налила в стакан водки, чтобы промыть это место; но, пока ее подруга протирала глаза и сладострастно потягивалась, рана, подобно недоверчивой раковине, затянулась.

- Бедняжка, тебя, наверно, беспокоит укус?

- Укус? Какой еще укус? - с невинной улыбкой спросила Альбина.

- Да у тебя же вся простыня в крови!

- Кровь? Где ты видишь кровь?

Красные пятна на постели исчезли. От укуса не осталось и следа. Каракатица и Амадо сглотнули слюну. Не сном ли было все это? Они рванулись к двери, испустив вздох облегчения и ужаса одновременно. Там, снаружи, среди четырех кипарисов Госпожа плела свою паутину. Предводительствуемый отрядом пожарных со смоляными факелами и городским оркестром, наигрывавшим похоронный марш, к ней двигался кортеж ослов, украшенных черными перьями: они везли троих мертвецов с перегрызенным горлом. Следом брели, спотыкаясь, несколько мужчин, перевязанных бинтами.

Амадо, забившись в угол, грыз ногти и поглядывал на обеих женщин. Каракатица, как обычно похорошевшая, учащенно дыша от беспокойства, наблюдала за тем, как обнаженная Альбина грациозными движениями убирает птичий помет: попугаи свили себе гнездо под крышей дома. Она беззаботно насвистывала что-то веселое и, казалось, ничего не помнила о своей ночной вылазке. При виде этого деланного спокойствия человек вскипел. Он прыгнул на бочку и заорал:

- Ну хватит! Мы здесь не дураки! Это серьезно! Знай же, Альбина, что ты превращаешься в похотливую суку и заражаешь своими укусами мужчин нашего города! А вы, сеньора Каракатица, должны это прекратить! Если не сделать этого, то каждое полнолуние Госпожа станет набивать свое брюхо мужчинами-псами, войдет во вкус и пожрет нас всех!

Когда Каракатица в подробностях рассказала Альбине о том, что случилось на равнине прошлой ночью, та разрыдалась:

- Сердце мое, я обязана тебе жизнью, ты никогда не скажешь обо мне дурного. Но ты можешь ошибаться и невольно говорить неправду. Наш разум похож на прочный корабль, плывущий по морю безумия и сновидений. Не доверяй темной стороне самой себя, посмотри на меня так же, как раньше: я женщина, а вовсе не похотливая сука,

я не питаюсь человечинной, и ни один мужчина не способен превратиться в животное. Ты любишь меня, ты не можешь рассказывать обо мне такие ужасы! Это все злобный карлик, он тебя заколдовал, он хочет нас разлучить, не верь ему!.. Давай снова сядем на велосипед и уедем отсюда. И найдем место, где нет мужчин!

Амадо увидел, что Каракатица заколебалась от плача подруги, бормоча «прости меня» и укачивая ее на руках, словно большого обиженного ребенка. Он пришел в отчаяние. Альбина, сама того не сознавая и не желая, ночью была одним существом, а днем - другим. Чтобы все мужчины в городе не заразились, следовало раздобыть веские доказательства. Причем доказательства вещественные: слова Каракатицу не убеждали. Но где же взять их днем? С криком «Должно получиться!» Амадо закрыл двери и оконные ставни, заткнул все щели, через которые мог просочиться свет и, несмотря на протесты попугаев, достал из-под крыши круглое зеркало, направив на него луч фонаря. Предмет, похожий на луну, плюс усилия Амадо пробудить в себе вирус сделали свое дело: лицо вытянулось в собачью морду, кожа покрылась шерстью, руки и ноги превратились в лапы. Перемежая слова лаем, Амадо произнес не без труда: «Видишь, Альбина... можно... стать... собакой... ты... и луна... вот причина...»

Каракатица загасила фонарь, пнув его ногой, и принялась открывать окна и двери. При дневном свете Амадо вновь обрел человеческий облик. Альбина, убедившись в его правоте, была просто убита:

- Я верила, что я такая, как есть. А оказалось, такая, как раньше. Но что было раньше, я не знаю. Может быть, узнаю в один прекрасный день. Тогда я стану другой, но перестану быть такой, как теперь. И это так расстраивает меня... Помогите мне, пожалуйста!

Каракатица обняла подругу, облив слезами и соплями ее обильную грудь:

- Я тоже не хочу, чтобы ты менялась! Нам ведь хорошо друг с другом так, как сейчас... Теперь, когда мы знаем все, давай в полнолуние привязывать тебя - конечно, с твоего согласия. Мы наденем на тебя наручники, заткнем тебе рот тряпкой, запечатаем уши воском, запрем дом! А всех самцов, которые будут принимать и выть, станем отгонять железной палкой! Тебе не нужно допытываться, кем ты была раньше, и стыдиться тоже не надо! Твое прошлое нам не нужно: кошка и кошкин хвост - разные вещи!

Амадо, слегка откашлявшись, заставил женщин обернуться в его сторону:

- Э-гм... да, так вот, сеньориты... хвост, взятый в отдельности, не есть кошка, но если он подве-

шен к кошке сзади и за него дергают... то ясно, что он для кошки вещь не совсем посторонняя... Позвольте мне, раз уж я причастен к этому вопросу, дать один совет: если предположить, что превращение в собаку - не проклятие, а болезнь, то можно надеяться на излечение. В природе нет яда без противоядия. Нам может помочь донья Софокос, знахарка. Ей уже сто сорок три и она вместе со всеми стариками живет в шахте, но охотно появляется на людях, если приготовить ей жареных рыбок-атеринок. Поскольку она питается одной глиной, это лакомство просто сводит ее с ума.

Приходилось опасаться Бочкононого, и поэтому все согласились на то, чтобы Пинко, глухонемой погонщик ослов, целый час тискал Альбину. За это он доставил их, укрыв в своем стаде, на пляж. Спрятавшись за прибрежными скалами, все трое несколько часов пытались наловить хотя бы с полдюжины рыбок. Обычно длинные и совершенно безмозглые рыбы-атеринки, привлеченные кусочками хлеба на дне корзинки, приплывают целыми стайками, так что рыбаки извергают их обратно в море, будто светящуюся блевотину. На этот раз, однако, улова не было. Рыбы плавали поодиночке и так нервничали, что заглатывали наживку и удирали, прежде чем крышка корзины захлопнется. Амадо, Каракатица и Пинко - этот

помогал не по необходимости, а чтобы исподтишка прижать свои похотливые ладони к Альбининым ягодицам, как бы из-за удара волны, - отчаявшись, вышли из воды, продрогшие до костей, и растянулись на солнце. Альбина с сочувственным вздохом нырнула в море. Тут же к ней подплыла розовая рыбка, чтобы посмотреть на Альбину - или, скорее, поклониться ей. Та широко раскрыла рот, и рыба оказалась у нее под языком, будто в гнезде. За полчаса удалось поймать шесть штук: достаточно для обольщения доньи Софокос.

Шахта, вырытая в узловатой горе, над обрывом, походила на рот гигантской мумии; вместо крика из нее вырывалось облако оранжеватой пыли. От жары в подземелье возникали потоки воздуха, в них кружились перья мертвых чаек, острые, как наваха. Все трое с рыбками, запущенными в колбу, долго стояли и кричали у темной галереи. Никто не отвечал, жалобный напев сотни стариков заставлял колыхаться языки пыли. Наконец, прокладывая путь между медно-красных завитков пыли, появилась знахарка в сопровождении броненосца. При виде аппетитного подношения она бросила ком глины - броненосец принялся с жадностью его лизать - взяла крючковатыми пальцами колбу и, едва не задохнувшись, проглотила рыбок вместе с солевой водой. Затем старуха повалилась на горячую

землю, (но высохшая пергаментная кожа, кажется, даже не ощутила этого), погладила вздутое брюхо, рыгнула и разразилась каким-то пьяным хохотом.

- Спасибо, огромное спасибо, молодые люди! Я столько лет ела землю, и вот рыбки вернули мне вкус к жизни. Я была ничем, пустотой, теперь я, по крайней мере, - желудок, наслаждающийся пищей. Скоро из меня ползет доброе, мягкое дерьмо, а не камни; это значит, я перестала быть бесплодной и могу опять рождать. Рождать что? Воющую колыбель для личинок. Аллилуйя! Все, кто какает, существуют не зря: они творят червячков! Вам что-то от меня нужно?

Каракатица в приступе отвращения обняла Альбину за талию, шепча:

- Не бойся, родная моя. Мы тоже состаримся, но совсем не так. К счастью, перед кафе-храмом сидит Госпожа. Когда тела наши станут дряблыми, мы завернемся в ее паутину.

Амадо рассказал ведунье историю Альбины и мужчин-псов. Старая развалина, томно потершись о него и сладострастно обоняя мужской запах - отчего мгновенно испытала оргазм - отвечала отрывистыми фразами, словно кудахтая:

- Не беспокойтесь, любая задача уже таит в себе решение. Давным-давно, еще до инков, на этих запаршивевших землях обитали параки.

Среди прочих богов они поклонялись и богине-сосбаке о двенадцати сосках, дававшей белое и черное молоко одновременно. Никто не знал, припадая к соску, что ему достанется - живительная пища или смертельный яд. От темного молока охранялись с помощью цветка шиграпишку. Он расцветает на одном из кактусов, но лишь раз в сто лет. Но иногда лекарство оказывалось убийственнее болезни: из двух человек, съедавших шиграпишку, один погибал. Видишь, на что ты идешь, молочно-белая девушка? Чтобы излечиться, надо хотеть этого, затем - знать, что ты можешь излечиться и наконец - принять те перемены, которые принесет тебе излечение. Не обманывай себя: если ты найдешь цветок, съешь его и останешься в живых, ты никогда уже не будешь прежней; а вместе с тобой изменятся другие, и весь мир тоже. Новыми глазами ты посмотришь на друзей, и они станут твоими врагами или жертвами. Возможно все. Но если ты откажешься меняться, тебя изнасилуют, тебе перегрызут горло, как последней суке. Что скажешь? Я вижу, тебя все еще терзают сомнения. Ты никогда не сможешь решиться! Лучше тебе умереть и обратиться в прах здесь, сейчас!

Броненосец взобрался по телу старухи, как по сухому стволу и свернулся на ее лысой голове,

напоминая шляпу. Обе женщины и коротышка застыли на месте, надеясь, что все вокруг них рассеется, как дурной сон... Хриплое дыхание старухи перешло в беззубый смех. Из галереи возник ряд голых, обмазанных глиной страшилищ. Тащась еле-еле (некоторые хромали), жутко приплясывая, они начали спуск в сторону Каминьи. Донья Софокос встала, схватила броненосца и приказала ему: «Киркинчо, свернись!» Зверек спрятался в свой панцирь из костяных пластин и сделался шаром. Знахарка ловко кинула броненосца в Альбину, поразив ее в лоб. Изумленная, с окровавленным лицом женщина чуть отступила и упала бы в пропасть, но зацепилась у самого края за сухой куст. «Не помогайте ей, черт возьми!» - прогремела старуха, диковинным жестом парализовав Каракатицу с Амадо. Потом пробралась к обрыву и обратилась к Альбине:

- Трусливая фантазерка! Долго еще ты будешь держаться за существо, которого в тебе нет?! Вечность без перемен - отравленный подарок! Святая Госпожа вновь обрела память и зовет нас! Повинуйся, как мы! Выпрыгни вон из этого мира!

Схватив броненосца за хвост, колдунья принялась колотить им по Альбининым пальцам:

- Получай, вот тебе, получай! Сказала же, прыгай, шлюха!

Альбина с бешеным воем сделала нечеловеческое усилие, покачнулась, оттолкнулась ногами, кинулась в сторону старухи и приземлилась прямо перед ней. Донья Софокос лукаво на нее поглядела:

- Видишь, малышка, ты не из трусливых! Ты не овечка, не поддаешься никому, ты умеешь сражаться и побеждать! Да, ты заслужила помощь! - Тем же, что и прежде, жестом, она вывела Каракатицу и Амадо из оцепенения. - Слушайте все: по вине горных компаний, своей алчностью превративших эти земли во враждебную пустыню, сегодня здесь растет только священный кактус. По моим расчетам, он зацветет через четыре дня. За этот короткий срок вы должны найти его: ведь цветок шиграпишку, распустившись, живет только десять секунд. После этого он исчезает в ослепительном взрыве, оставляя такой острый аромат, что каждый обонявший его сходит с ума. Если не поспеть вовремя, придется ждать целый век, пока не расцветет следующий... Растение невелико, не больше десяти сантиметров в высоту, но оно живет столетиями, и его корни простираются на сотни километров, под сухой глинистой коркой. Единственный способ прийти к нему - отыскать один из этих длиннющих корней, выкопать и сделать его своей путеводной нитью. Я рекомендую вас Киркинчо: если ходить кругами, то он, со своим необыкновенным обонянием, найдет корень.

Длинный хвост из стариков удалился зигзагами вниз по узкой тропинке. Знахарка, воскликнув: «Не голова, не сердце: ведут лишь ноги!», побежала к скоплению глинистых тел и слилась с ними.

Альбина, преисполнившись необъяснимой силы, нахмурилась:

- Я поняла: надо искать лекарство, думая не только о себе, но и об остальных. Если зло идет изнутри меня, то когда оно уничтожится в моей душе, они все перестанут превращаться в собак. А я стану той, кем должна стать. Итак, на поиски шиграпишку! Давай, Киркинчо!

«А что же я? Неужели я отпущу ее одну? Ее судьба - это моя судьба, и точка!», - думала Каракатица. Четыре дня на поиск одинокого кактуса посреди гигантской пустоши, расстилающейся, словно кожа мертвой игуаны; ад, куда красные пчелы, лишившись мягкого, сладкого запаха своей укротительницы, откажутся их сопровождать; место, где отвратительный Бочконогий поджидает их, чтобы разорвать на куски... предприятие казалось невыносимым, самоубийственным. И все же Каракатица последовала за Альбиной без обычного своего брюзжания; когда все трое спустились на равнину, она заслонила собой подругу и пошла вперед с раскинутыми руками, выпятив грудь, угрожающе выставив подбородок, будто такая поза могла защи-

тить Альбину от чудовищ и демонов. Шляпник почувствовал себя покинутым и побрел было к городку, но через несколько шагов обернулся и прокричал:

- Сеньориты, подождите, я вернусь и привезу несколько бочек воды на трех ослах!

Альбина, продвигаясь вглубь пустыни, даже не посмотрела в его сторону. Но Каракатица остановилась. Неловким движением она отерла пот с лица, пытаясь скрыть залившую ее краску. Сердце ее забилось быстрее, когда Амадо объявил о своем решении идти вместе с ними.

- Альбина, стой! Наш компаньон прав: в этой духовке мы не проживем без воды и дня. Давай подождем в тени этой скалы, пока он не вернется с водой.

И когда ее подруга уселась рядом, Каракатица крикнула грубым голосом, за которым крылась беспредельная нежность:

- Только побыстрее, сеньор Деллароза, не теряйте времени! Мы даем вам полчаса на возвращение вместе с водой и ослами, и не будем ждать ни секунды больше! И не забудьте захватить железную палку-отгонялку!

Издав восклицание, говорившее о его горячей преданности, Амадо помчался в Каминью, оставляя за собой ломаный хвост пыли.

часть вторая

ПУТЬ ДУШИ

Все вещи гонятся по моим следам
и в отчаянии лают, я же иду вперед
мертвый.

Пабло де Рона. «Зимняя сталь».

глава 1. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Амадо со всей прытью, какую позволяли его короткие ножки, пересек западные ворота Каминьи. Дыхание его, учащенное из-за бега, стало еще более частым: на улице валялись, как глиняные болваны, старики и старухи. Обезумевшие пчелы летали между ртами, раскрытыми в форме буквы «О», и слизывали с языков отдававшую болотом слюну. Жители города разделяли пчелиную нервозность: созерцая мертвые тела легендарных, бессмертных предков, они ощутили себя башнями, рухнувшими от удара молнии. Блеклое море сухих останков убедило население городка в том, что они - приговоренные к смерти, которых сгрузили на баржу. Невозможно достать ни одного осла у Пинко! Каждое животное доставляло по три-четыре трупа на торжествующий костер, горевший посреди кладбища. Волокнистая плоть и ссохшаяся кожа посылали в небеса густой черный дым, который, казалось, распадался на стаи грифов: хищники снижались, копались в кострище, ракетами взмывали ввысь, унося в когтях пористые кости. Опустелое

кафе-храм было пронизано столбами света: бежавшие из заключения попугаи пробиты клювами крышу. Перед тем, как покинуть здание, они - вероятно, в знак протеста, - дружно опорожнили кишечник. Ковер из синих навозных жуков, прибывших на зловещее пиршество... Амадо, зажав ноздри двумя пальцами, наполнил большую бутылку водой, захватил железную трость, три крошечных слитка золота, завещанные ему отцом, и с этим грузом, думая, что больше сюда не возвратится, вышел из дому. Следом увязалась кучка женщин, кидавшихся в него туфлями:

- Ты предал их, мерзкий карлик, а они предали смерть, ты виноват во всем! Посмотри, во что превратились наши мужья!

Осыпаемый проклятиями, Амадо видел мужчин: забившись в темные уголки, сидя на корточках, они опирались на костяшки пальцев и двигали руками, словно звери передними лапами. На обнаженных торсах пробивались волосы, губы растягивались из-за сильно выросших челюстных костей. Шляпник заметил, что и сам он испытывал подобное превращение: лицо вытягивалось в рыло, кожа покрывалась шерстью, уши заострялись. Внизу позвоночника обозначалась выпуклость - намек на будущий хвост. Теперь болезнь

проявлялась не только под покровом ночи, но бесстыдно осмеливалась овладевать людьми при свете дня. Скоро все они станут стопроцентными псами.

Не без труда, сгибаясь под тяжестью трости и бутылки, Амадо начал подъем по изломанной тропе. Женщины, опасаясь идти разутыми по усыпанной острыми камнями земле, не преследовали его. Через короткое время за ним устремилась группа мужчин с криками, постепенно переходившими в лай. Шляпник припустил со всех ног, но на равнине свора нагнала его. Коротышка, в страхе быть сожранным, попытался вращать в воздухе тростью, но оказался не в силах даже поднять ее. Он моментально с горячим восхищением вспомнил Каракатицу, вертевшую тяжелым оружием, точно перышком. Уродцы, не обращая на него внимания, брызжа слюной, устремились на равнину. Близ горизонта, уже слабо различимые, они принялись рыть руками-лапами норы, чтобы защититься от солнца и переждать, пока не задует свежий ночной ветер. Со вздохом облегчения Амадо пустился на поиски своих компаньонов. Их не было! Черт возьми, он ведь почти не опоздал, ну разве что на четверть часа, и ни секундой больше! Он еще понимал, как могла так поступить Альбина, высокомерная, далекая полубогиня, но

Каракатица! Женщина, которой он доверил бесценное сокровище - свою надежду, не простила ему нескольких минут опоздания! Душу его словно вырвали с корнем. Нет, это просто невысказано! Она ведь знает, что безжалостные вихри с Анд заметут все следы, что сделать три шага в этой пустыне - значит погубить свою жизнь! Что-то подсказывало ему, что его преданность нашла отклик у Каракатицы, что сердца их связаны невидимой золотой нитью, что ее крепкая дружба не могла уступить минутному капризу. Амадо был твердо уверен: его дама оставила где-нибудь весточку о себе. Он принялся неутомимо искать эту весточку между скал. И наконец издал торжествующий возглас: под стрелой, выведенной на граните куском соли, стояли два слова: «Река Камаронес».

В этом адском котле - песок заполнял всю перспективу, сливаясь на горизонте с желтоватым небом, кожа, избегая соприкосновения с камнями, прилипала к костям, - полчаса равнялись полувек. Только лишь прошли условленные тридцать минут, Альбина не сдержала гнева, которым дышала каждая клетка ее иссохшего организма:

- Этот трусливый карапуз никогда не вернется: сколько надо мужества, чтобы двигаться по пустыне! Если хочешь поджариться, можешь

ждать его, но меня удивляет твое пристрастие к этому недомерку. Что ты в нем нашла?

Каракатица покраснела, стараясь отогнать образ котелка, возникающего из лабиринта морщин и поспешила возразить:

- Ничего такого! Глупый коротышка, вот и все! Дай мне пописать, и мы пойдем!

Она присела за небольшим утесом в форме верблюда, помочилась, извлекши из своего мочевого пузыря маломощную струйку, и попыталась - безнадежно - родить идею. Решение пришло вместе с последней каплей, пролившейся на стайку пауков, которые ревелись в желтоватой земле. Улыбаясь - горячий ветер, будто гигантская рука, ласкал ей ступни, заставлял ее ощущать себя женщиной, - она подобрала комок соли и написала на верблюжьем горбу, под направленной на север стрелкой: «Река Камаронес». Радость Каракатицы была прервана свистом ее нетерпеливой подруги.

- Альбина, я уже иду! Пока я писала, мне пришла одна мысль. Гляди на броненосца: его морда все время указывает на север. Знаешь, почему? Амадо говорил нам, что возле Каминьи течет река Камаронес. Улавливаешь? Корни кактуса тянутся на много километров в поисках воды. Я уверена, что хотя бы один из них доходит до реки. Вместо

бессмысленного кружения мы можем поискать, что нам нужно, на речном берегу. Киркинчо поможет нам отрыть корень. Пошли?

Альбина глубоко вдохнула, как если бы воздух внезапно стал свежее, и улыбнулась:

- Я знала, что могу на тебя положиться! Ты родилась с яйцами, не то что недомерок! Пойдем, любовь моя!

Ее подруга, зная, что Альбина - совсем не та, кем кажется, и страшась другой, настоящей Альбины, чувствовала себя как бы сидящей между двух стульев. Это не улучшало ее характер, как не улучшает его гвоздь в башмаке. Если же говорить о сердце, то приходилось признать, что оно, точно капризный маятник, колеблется между двумя крайними точками - карликом и великаншей, такими несходными, что примирить их было невозможно. Два эти существа, близняшки ее любви, нежно спутывали ей руки, ставя перед выбором. Оставалось отдаться на волю случая, смиренно поедая остатки угощения, даже если то были одни крошки; кидаться в пламя, плыть вслепую, обратиться в покорный флюгер, безмолвно принимая повеления ветра, признать, что существуют разные виды привязанности, что в обоих случаях ее любовь была безграничной, но неодинаковой, что одна взаимная

страсть не исключала другой. «Я всей душой желаю разделиться надвое, словно клетка! Только надвое?... Не знаю! Может быть, со временем появится кто-то еще, и меня будет четыре, восемь, шестнадцать, тридцать два и так до бесконечности...» Каракатица сделала глубокий вдох, наслаждаясь терпким воздухом: впервые она поняла, что это такое - любить жизнь. В ее груди будто возник источник, который слал лучи вплоть до границ космоса, лучи, достигавшие давнего прошлого и отдаленного будущего. У ее ног бесконечность скрещивалась с вечностью. Наконец-то она вступила в настоящее! Внезапно Каракатица ощутила все прекрасные ароматы: строго-медовый - воздуха, густо-сливовый - скал, гераниево-мускусный, что тянется за роем насекомых, ладанную морось, падающую с невидимых звезд, миррово-янтарное дуновение, приносимое с солнца мощными крыльями, и сверх того - несказанный запах ее собственного тела, радостно умиравшего и возрождавшегося ежесекундно... Ей стал невыносим ее прежний облик Каракатицы: она послала ко всем чертям свою драгоценную сущность, спрятанную под фальшивым горбом, расстегнула созданный ее воображением корсет уродки, выпрямилась и, рыдая от счастья, принялась широко шагать позади сверкающей Альбины.

Бутыль весила двадцать кило, железная палка - столько же. Путешествие с таким грузом по разъедающей все почве, этому гигантскому языку, пересохшему от вековой засухи, готовому впитывать с необычайной жадностью мельчайшую частичку влаги, почве, сосавшей плоть, дабы превратить ее в вяленое мясо, - и вдобавок жара, падавшая сверху многопудовой хищной птицей, - все это делало дорогу настоящим крестным путем. Превозмогая мучения, Амадо тащился на север, проклиная свои короткие ноги. Тело его превратилось в сплошную язву, и он не раз валился на вампирскую пустошь. Но желание свернуться комочком в тени Каракатицы - таинственного пятна, продолжавшего его собственное тело, стебля, связующего с реальностью, - поднимало Амадо, как марионетку. Это желание приходило из неопределенного будущего, тянуло его к счастливой судьбе: войти в эту женщину, стать ее любовником... Мать, наделяющая душой, единственная, для кого он - настоящий мужчина. Мираж нарисовал в раскаленном воздухе каравеллу. Амадо протер глаза. Нет, это не видение! Корабль, двадцать пять метров в длину, восемь в ширину, три мачты которого были превращены в кресты с распятыми, на манер Христа, тремя святыми Петрами.

Надпись «Санта-Мария» на носу свидетельствовала о том, что это - точная копия Колумбовой каравеллы, выполненная из железобетона. Амадо взобрался на палубу по веревочной лестнице. Вместо моряков на шканцах, на носу, на корме стояли статуи святого Петра в различных позах, имитирующих матросские занятия. Святой-рулевой стоял за штурвалом, расположенным под капитанским мостиком. Оттуда не было видно, куда движется корабль, и потому еще один святой Петр стоял на мостике, видимо, отдавая приказания. В небольшой носовой каюте на узких койках спали пятьдесят святых. На камбузе святые-повара кормили овощными очистками из бетона гипсовых свиней, коров, коз и кур. Один Петр распоряжался всем, другой нарезал ветчину, третий разбивал яйца. Ниже, в помещении над килем, громоздились гипсовые бочки, ящики, кули, изображая балласт, придающий судну устойчивость. Со всех сторон святые Петры вязали узлы, вили канаты, поедали железных раков и фаянсовых рыб, чинили латунные роботы, перебирали струны немых гитар, терли палубу, вглядывались в горизонт. В центральном помещении у корабельного флага - «церкви святого Петра, покровителя рыбаков» - располагался алтарь, а перед ним - семь дере-

вянных бочек с настоящей водой. На бочках виднелись слова: «Путник, пересекающий смертоносную пустыню жизни, ты смог добраться до этого храма. Знай, что святой Петр хранит тебя. Утоли свою жажду немногими глотками воды с думой о тех, кто придет в это священное убежище после тебя, и осознай смиренно, что ты не одинок в своем странствии по свету: святой Петр повсюду с тобой. Доверься своей судьбе: это также и наша судьба. Мы вместе плывем в поисках нового мира». Амадо, не притронувшись к своей бутылки, припал ртом к крану одной из бочек и пил, пока жажда не прошла. Возвращение телесных сил породило в нем чувство вины. Через считанные часы настанет ночь, и Бочконогий с остальными мужчинами-псами устремится по следу его подруг. Перед такой угрожающей перспективой он мог лишь молиться. И молился, пока веки не налились свинцом. Он изгнал одного из Петров с койки, потом его пробрала дрожь, тут же он почувствовал резкий толчок и заснул, как гипсовый святой.

Бешеные лучи умирающего солнца падали под все более острым углом, отскакивая от земли, как пущенные по водной глади камешки, порождая затем трепетные миражи, наполнявшие пустыню призрачной водой. Наконец, черный взрыв

погрузил все вокруг в тишину. Под холодным андским ветром стих громкий смех непослушных пауков.

Шляпника разбудил хруст соленой корки под усталыми шагами. Он торопливо и неловко натянул брюки, побежал на корму и увидел, как к судну приближаются две точки - две крысы - две морские черепахи - две голодные самки - два мрачных бандита - и наконец, да будет благословен Господь, из причуд миража возникли Альбина и его драгоценная Каракатица! Амадо расплакался от радости. Каракатица тоже, но, чтобы никто не заметил две вытекших на селитрянную поверхность слезы, она разразилась ругательствами:

- Клянусь геморроем непорочной девы Марии, ты просто чурбан безмозглый! Что ты вылупил на нас свои глаза болотной жабы? Сейчас же пошевели костылями и принеси воды! У нас в горле сухо, как в дыре у монашки!

Альбина, шумно дыша, присела рядом с подругой. Язык ее потрескался точно так же, как почва. Удерживая бутылку у себя на голове, Амадо соскочил на землю и побежал к женщинам, изо всех сил сохраняя равновесие. Каракатица, чей живот вздулся, как у беременной, настояла, чтобы первой пила Альбина. Та поглотила не меньше

четырёх литров. Порция воды была выплеснута и на Киркинчо. Изумленный внезапным дождем, тот высунулся из панциря и принялся слизывать капли языком. Когда бутылка наконец перешла к Каракатице, коротышка шепнул ей на ухо:

- Как жаль, что в этом животе не мой ребенок!

Каракатица, притворяясь рассерженной, толкнула его локтем в бок, словно и не перерождалась. Но слова, произнесенные мужественным и нежным голосом, упали прямо внутрь нее, заставив обе груди немного приподняться. Твердые соски кофейного цвета выпятились и порозовели.

- Сеньориты, сделайте небольшое усилие и поднимитесь со мной на корабль. Храм святого Петра предоставит нам надежное убежище.

Женщины стянули со святых картонные одеяла и попытались с их помощью защититься от холода, вытянувшись на неудобных ложах. Альбина, раздраженная присутствием карлика, спряталась с головой под фальшивую шерсть и заснула. Каракатица разрешила Амадо устроиться рядом с ней, но так, что их разделял один из святых Петров. После чего начала рассказывать:

- Представьте, мой друг, какая досада! Мы шли по шерсть, а вернулись стриженными. Вам известно, что такое идти по этой пустыне, среди

паучьего смеха, под палящими лучами. Альбина ведь считает, что хотеть - значит мочь. Так вот, когда мы приблизились к кораблю, источнику воды и тени, она скорчила презрительную мину и не захотела остановиться. Через несколько часов рот у нас обоих превратился в сплошную рану, а легкие были объаты пламенем. Я несла броненосца, тяжелого, как слон. Полумертвые, мы взобрались на какой-то холм и увидели долгожданный Камаронес. У скудной струйки толпилось множество оборванцев. Мужчины, женщины, дети, все с зонтиками от солнца, промывали в корытах песок речной в поисках крупинок меди. На крыше стоящего рядом грузовика был укреплен флаг с эмблемой компании «Чукикамата». Охранники с ружьями и нагайками присматривали за изможденными рабочими, точно за преступниками или рабами. Между ними ходил кто-то черноволосый, похожий на скелет - в жокейских штанах на английский манер, кепке военного образца, с коротким хлыстом, свисавшим с запястья, револьвером на поясе - обтянутый кожей цвета мочи, на лице неяркая косметика. Высоким голосом он отдавал приказы и ругался с североамериканским акцентом...

- Судя по вашему описанию, сеньора, это мог быть только гринго по имени Эчмит, помесь индей-

ца, испанца и обезьяны, который изо всех сил пытается походить на своих хозяев. Он так хочет выслужиться и взобраться вверх по лестнице из долларов, что, по слухам, не противится главному управляющему мистеру Нилли, равнодушному к заднему отверстию. Этот двуполый лжеянки обогатился за счет рабочих: он продает им сгнившие продукты, поставляет сифилитичных девок, строит для них грязные бараки, где люди живут не лучше скотины! Мне рассказали, что этот корыстный клоун решил прибрать к рукам приносимый рекой металл. Но я и не подозревал, что он заручился поддержкой жандармов. Ведь эти ребята сперва стреляют, а уже потом спрашивают: «Кто это был?» Они наводят ужас на бандитов... Так что же вы сделали, сеньора?

- Ах, Амадо - предупреждаю сразу: я просто называю вас по имени, и никаких сантиментов! - что же мы могли сделать? Разве можно было идти к реке, где броненосец начал бы все обнюхивать и искать таинственный корень? Во-первых, нас приняли бы за сумасшедших, а во-вторых, заподозрив бог знает в чем, стали бы пытаться или попросту прикончили... Мы решили вернуться, передохнуть на корабле и подождать утра, а там обдумать, как взяться за поиски корня.

Шляпник приложил ладонь к груди, нащупал кошелек с тремя крупинками золота, и вдруг ему в голову пришла идея. С криком «Эврика!» он хотел было сообщить ее Каракатице, но его остановил лай собачьей своры. В окно каюты просочился серебристый лунный свет. Каракатица высунулась наружу:

- Только этого не хватало! Сегодня полнолуние!

Увидев, что Альбины нет в постели, Каракатица вихрем помчалась на палубу. Шляпник кое-как последовал за ней. Великанша, раздевшись, поводила бедрами, возбуждая мужчин-псов; те прыгали вокруг корабля, но не осмеливались приблизиться из страха перед столькими святыми. Кожа ее уже покрывалась шерстью, позвоночник терял гибкость, заставляя опускаться на колени. Длинный слизистый язык свешивался между острых клыков, а над вихляющими ягодицами пробивался хвост.

- Амадо, помоги мне связать ее! Пока что она больше женщина, чем собака. Она не укусит нас. Возьмем у святых несколько кожаных поясов. Этого хватит...

Альбину привязали к грот-мачте. Когда луна полностью вошла, женщина окончательно превратилась в суку. Изнемогая от жестокой течи,

она воем завлекала разгоряченных псов. Те, обнаружив, что матросы гипсовые, подпрыгивали все выше и выше, закидывали передние лапы на борт, но забраться на палубу не могли. Амадо с Каракатицей убрали веревочную лестницу и задраили все люки. Между ног у самки пахло так, что самцы пришли в неистовство. Могучие красные отростки их распрямлялись и напоминали ломти мяса на гриле. Лай звучал все призывнее. Каракатица размахивала железной палкой, но отогнать псов не удавалось. Звериное желание не оставляло места для страха. Чтобы войти в самку, они были готовы сложить здесь свои кости. Каракатица поглядела на недомерка:

- Их много, и они совсем рехнулись. Скоро они поймут, что смогут забраться сюда, залезая друг на друга. Чтобы завладеть своей богиней, они разорвут нас на куски.

Амадо обнял Каракатицу и зарылся лицом ей в живот, потому что выше не доставал.

- Моя повелительница, погибнуть вместе с вами - для меня великая честь!

Каракатица застыла на месте, неспособная пошевелиться: мысль о том, что кто-то считает великой честью погибнуть вместе с ней, предпочитая ее всем красотам мира, - открыла ей, что,

несмотря на все внешнее уродство, она также имеет право быть в центре внимания. Прожить много лет в стороне от людей, наблюдать всех и вся изда- лека, покупать Альбину дружбу преданностью и услужливостью, считать себя темной планетой близ пылающего светила, - и вдруг получить та- кое доказательство любви, пусть даже от безумца, развратника или маньяка!.. Каракатица осознала, что и она тоже существует. Несмотря на близкую опасность, ей захотелось смеяться, плакать, жить, быть сожранной прямо на месте: лишь бы уверить- ся в том, что этот коротышка (больше мужчина, чем другие, нормальных размеров) готов принести себя в жертву вместе с ней, ради нее... Тут завыва- ния прекратились, наступило непроницаемое мол- чание; на смену ужасу пришла смутная тревога. Сука, возбужденно приподнявшись, обнюхала свору. Ночь пронизал звук, производимый тремя здоровыми лапами и одной неполноценной. Муж- чины-псы - теперь они были не прочь стать мура- вьями - удалились почти ползком. Четверо или пятеро оставших утратили часть своей плоти: у запаршивевшего Бочкононого была стальная хват- ка. С жалобными причитаниями, оставляя длин- ные кровавые следы, жертвы присоединились к усмирненной стае. Нападавший поскреб землю

передними лапами, стряхнул каплю пота со спины, побежал к каравелле и фантастическим прыжком, с жаждой насиловать и убивать, достиг мостика. Тут он получил от Каракатицы удар палкой по голове. Вонючая тварь упала, вытянувшись, возле столь ненавистной и столь желанной самки. Та, воодушевленная запахом крови, принялась грызть кожаные ремни, освободилась, вонзила клыки во вздутую ногу неподвижного пса, угрожая сделать то же самое с лицом своей компаньонки, пустила струю в лицо шляпника и, взмыв в воздух, приземлилась на песок, чтобы настичь униженную свору, оказаться в ее середине, подставить всем свой зад. Псы, возвращая себе утраченную гордость и страстно сопя, взялись за дело.

Неистовое совокупление словно вырвало Каракатицу из крепкого сна и вернуло в мрачную действительность. Как-то сразу она ощутила все свои кости: они оказались полыми, и единственным их содержимым было невыносимое одиночество... Амадо корчился, он тоже превращался в собаку...

- Нет, мой друг, только не ты! Не покидай меня! Если и ты уйдешь от меня, я умру!

Шерстистый, с песьей мордой, уже на четырех лапах, человечек затряс головой, словно желая избавиться от длинных ушей:

- Я... тоже... не хочу... Я... для... вас... моя... повелительница... Но... сука... зовет... Идти... спариваться... надо... Иду!

- Нет, черт возьми, ты не пойдешь! Ты останешься со мной! У тебя осталось кое-что человеческое: глаза, руки, член! Пусть любовь породит в тебе сладострастие! Обрати свое желание на меня, я тоже самка!

И Каракатица, раздевшись, встала на четвереньки, повернувшись к нему задом. Собачья половина Амадо немедленно захотела кинуться на нее, но человеческая половина сопротивлялась:

- Повелительница... не... надо... такой... жертвы... Вернусь... на... заре...

- Да никакая это не жертва! Я хочу тебя, вот и все! Дай мне, наконец, познать любовь!

Сдерживая в себе животные инстинкты, Амадо, с наслаждением понюхав у нее между ягодиц, сжал челюсти, чтобы не лизать кожу, и с большой осторожностью ввел внутрь одну только головку. Так он долгое время терся о нижние губы Каракатицы, пока они не покрылись обильной влагой. После этого Амадо проник чуть глубже, усиливая давление, - и наконец, смягчившись от растущего желания, женщина вся раскрылась перед ним, подобно чашечке цветка.

- Войди в меня целиком! Твое жалкое тело мне безразлично, но я видела твои глаза, я отдала ради них свою душу, я хочу только их! - крикнула ему Каракатица новым, мелодичным голосом. Амадо, забыв о своей животной стороне и сосредоточившись на человеческой - вернее, на том, что от нее осталось, - продвигался миллиметр за миллиметром, вплоть до самого тайного предела. Наслаждение захлестывало его, Каракатица отвечала глубокими вздохами, собачьи признаки понемногу исчезали. В тот миг, когда женское лоно с трепетом новорожденной голубки приняло в себя весь член до конца, Амадо вернул себе человеческий облик. Два тела, проникая друг в друга, от кожи до самых сокровенных глубин, поворачивались - и вот оба оказались лицом к лицу. Каракатица склонила голову так, чтобы Амадо мог поцеловать ее. Языки их соприкоснулись, и начались стремительные, божественные движения; пустыня обернулась морем; надув невидимые шелковистые паруса, бетонный корабль тронулся с места, пересек линию горизонта и исчез среди звезд.

глава 2. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Когда луна скрылась и вместе с рассветом сразу же настала убийственная жара, Альбина, будто пьяная, испачканная внизу живота спермой, преследуемая тучей moskitov, принялась взывать к своей подруге. Лестница по-прежнему была убрана, а люки - задраены. Каракатица, завязавшись в узел, храпела в объятиях Амадо; тот спал с улыбкой до ушей. Бочконогий, все еще без сознания, вернул себе человеческий вид, и только морда оставалась собачьей.

- Любовь моя, ты где? Эти москиты меня пожрут! Ради бога, кинь мне лестницу!

Громкие крики разбудили Каракатицу, и на нее тут же свалился многотонный груз вины. Она нервно надела брюки на своего любовника, коротким поцелуем стерла улыбку с его лица и протянула руку к перилам, ограждавшим палубу.

- Милый мой, не рассказывай ей ничего. Не будем пробуждать в ней ревность, нам и так хватает трудностей. Обещаешь?

- Обещаю, если ты откроешь мне свое настоящее имя. Мне как-то неловко называть тебя этим рыбьим прозвищем.

Каракатица содрогнулась от озноба. Отец окрестил ее ненавистным мужским именем Исаак. Ммм... а если оставить «Иса», убрав «ак», и прибавить немного красоты? С томатно-красным лицом она пробормотала, прежде чем придвинуть Амадо поближе, чтобы он помог ей сбросить лестницу:

- У тебя итальянское имя, так вот, не удивляйся, у меня тоже. Изабелла¹.

- О, Изабелла! Стоит только произнести твое имя, и у меня сразу же встает!

- Замолчи, дурак, у Альбины отличный слух.

При виде Бочкононогого с черным сгустком крови на голове и лиловым полумесяцем на больной ноге, великанша расплакалась:

- Это как сон... вот кто я такая: тело, в котором обитает чужое существо. Оно живет на поверхности меня, словно пена на гребне рассыпающейся волны. Когда я хочу углубиться в себя, дойти до светлой сердцевины, то превращаюсь в бесформенную кашу, в ничто. Мне говорят, что я становлюсь собакой... Но я думаю, что никем не становлюсь, а

1 Bella — красавица (ит.).

просто исчезаю, а на мое место приходит кто-то другой. Но самое печальное, что в этом другом больше меня, чем в пустоте... Каракатица, родная, стукни меня тоже по голове, избавь меня от этого непонятного мира, покончи с моим призрачным существованием!

- Спокойно, Альбина. Нам надо отыскать тысячетелный кактус. Если ты больна, цветок кактуса тебя излечит.

- Ха! Сколько оптимизма! Мы не можем даже приблизиться к реке! А если вдруг по счастливой случайности броненосец учует корень у ее берегов, как мы будем его выкапывать, километр за километром? Чтобы защититься от жары, эти корни должны быть на глубине двух-трех метров, под соленой коркой, твердой, как камень. А у нас даже лопаты нет!

- Сеньора, - прервал ее шляпник - несмотря на все мое почтение к вам, я вынужден опровергнуть ваши слова. А именно: мы не только сможем достичь берегов Камаронеса, но у нас, кроме лопат, есть также кирки и заступы. Более того: каким бы сверхъестественным это ни казалось, мы выкопаем корень, даже не притронувшись к нему пальцем. Прежде всего помогите мне перенести этого несчастного получеловека на койку, подаль-

ше от солнечных лучей, а затем позвольте изложить мой план...

Лже-гринго свистнул. Рабочие замерли на месте, веря, что при малейшем движении гигантский кулак высунется из неба и разmozжит им голову. Жандармы цвета хаки, опираясь на карабины, веером расположились вокруг крашеного блондина. Тот, постукивая коротким хлыстом по английским ботикам, затряс головой, выпучив глаза под накладными ресницами:

- Святой дядя Сэм, что это?

Трое кающихся в рясах с капюшонами, смиренного вида, но с огнем в глазах - один чрезвычайно высокий, другой среднего роста, третий совсем крохотный, - несли гипсового святого, на голове которого сидел броненосец и беспокойно принюхивался к исходившему от реки смраду.

- Во имя бороды святого Петра, райского привратника, который ждет нас, несмотря на все наши грехи, не стреляйте! - возгласил маленький человечек. - Святой явился каждому из нас во сне и сказал: «Идите к реке Камаронес, найдите сеньора Эчмита и объявите, что я его избрал. Я возвышу его: от меди, земной крови, он придет к золоту, свету души. Пусть мой посланник Киркинчо ведет его, следуя вдоль корня, к священному

кактусу, выросшему на том месте, где инка Атауальпа спрятал свои сокровища от алчных испанцев. Там золотые статуи и украшения...»

При слове «золото» по спине лже-гринго от жадности пробежала дрожь.

- А это правда, что ты говоришь, карлик?

- Нам троим приснился один и тот же сон в один и тот же час. При пробуждении мы увидели на голове святого Петра вот этого броненосца: он взялся неизвестно откуда. Вы разрешаете ему начать поиски?

- Ладно, пусть ищет! Но если не найдет, то вас, обманщики, ждет хорошая порка!

Киркинчо принялся и вскоре уже рыл землю у излучины реки. Амадо вонзил руки в кучку мокрого песка, отрытого зверьком, торжествующе извлек оттуда три крупницы золота (отцовское наследство) и заорал изо всех сил:

- Свершилось чудо! Наш святой заступник выполнил свое обещание и послал нам драгоценный металл. Но эти золотые пылинки - всего лишь начало. Святой Петр хочет, чтобы вы, сеньор Эчмит, после того как с помощью броненосца найдете сокровище, воздвигли в его честь храм в форме уже не каравеллы, а самого большого трансатлантического лайнера.

Фальшивый гринго ласкал и лизал крупинки и был в этот миг похож на обезьяну.

- Конечно, я обещаю, да, да, найду золото и построю ему храм, само собой! Все золото потрачу на это дело! Но где же корень? Давай, чертов Киркинчо, отыщи нам корень!

Зверек прокопал еще пару метров и обнаружил подземную часть кактуса. Она была твердой, стекловидной, покрытой прозрачными волосками, которые шевелились, как черви. У потомка индейцев от вождения даже пропал английский акцент.

- Эй, вы, придурки, кончайте промывать этот дерьмовый песок, бросайте корыта, берите лопаты, кирки, заступы, вилки, ножи, все, что под руками, и копайте, а то на ваших задницах живого места не будет!

Мужчины, женщины, дети, карабинеры и сам лже-гринго копали на протяжении нескольких километров. За ними, неся увенчанного броненосцем святого, следовали покаянники, удобно устроившиеся на крыше кузова фургона, причем никто не заметил, что двое из них - женщины. Корень, по всей видимости, отвергал прямолинейность, образуя изгибы, восьмерки, спирали, меняя направление. К ночи было пройдено примерно десять

километров, и все повалились на землю от изнеможения. Альбина печально согласилась на то, чтобы Каракатица с Амадо привязали ее к святому: крыша грузовика находилась довольно высоко, и собаки не должны были туда допрыгнуть. Они вскоре прокрались к машине, посеребренные луной, и оставались всю ночь, не отводя взгляда от пленницы, стряхивая со своих концов жемчужные капли.

...Он проснулся и уставился вверх, на светлое окошко, прорубленное в небе. Мимо него медленно проплывали гуськом, точно процессия индейцев, худосочные тучи. Ему показалось, что эта сероватая шеренга неподвижна, а бетонная каравелла, наоборот, отправляется к местам, где сбываются все надежды. Ему послышался стук сердца в каждом из гипсовых святых. Аромат ночи был то же, что и у белой самки - не так! - ночь, с ее обещанием влаги, была Альбининым лоном. Он испустил в сторону луны протяжный вой, смешавшийся с еще более протяжным рыданием. Его собачье естество сплеталось с человеческим и с его страстью, и все это вместе рвалось из его груди, терялось в бесконечности. Он выполз из каюты на четвереньках, потом встал на ноги и заплясал на палубе, приглашая на танец гипсовых матросов.

Его вздутая, неуклюжая, безобразная конечность приняла совершенно нормальный вид. На подъеме ступни красовался лиловый полумесяц. Нога, некогда больная, стала теперь теплой, отзывчивой, поворотливой, двигаясь точно так же, как и другая, здоровая. Он перестал быть Бочконогим! Кто же он теперь? Он внезапно остановился, почесал в затылке, трижды коротко взвыл и задумался, присев на корточки.

Такое самоуглубление в поисках собственной сущности породило в нем чувство меланхолии, тревоги и гнева. Вокруг не слышалось ни единого голоса. Царило молчание. Он оказался вдали от родных мест, без крыши над головой, отрезанный от любой действительности, приравненный к пустоте, к Ничему, к невозделанной земле, лишенный внутреннего «Я», благодаря которому человек узнает самого себя. Маска под названием «Бочконогий» отброшена, видимость его присутствия в мире рассеялась! Он сочно плюнул, пытаясь вновь стать грубым полицейским, счастливым, как пес без блох. Тело его скорчилось от холода - холода презрения к себе. Отступать некуда: он пустился в плавание, отдал концы, его парусник плыл в открытом море. Исчезла дверь, защищавшая его от таинственных волн, он был отдан на милость бурь

или океанской глади, и взгляд его был обречен бесконечно по ней блуждать. Он хрипло залаял. Попытался припомнить свою мать, но и здесь потерпел неудачу. Неясный облик его родительницы смешивался с чертами бабки, более определенными. Старуха поглотила все. В ней было больше от мужика, чем от женщины. Муж ее, Анисето Гонсалес «Толстомясый», был продажным карабинером, хищным воякой, сделавшим своей специальностью охоту за контрабандистами: он вырывал у них мешочки с кокаином примерно так, как ветеринар кастрирует кота. Он был утоплен в туалете одного кафе, погибнув среди десяти тонн испражнений. Панча - бабка, - тощая и уродливая, не имела шансов стать проституткой и потому избрала своим занятием бандитизм. Рассказы Толстомясого о том, как его дичь пересекает чилийско-боливийскую границу, послужили ей Библией. Никто не сосчитал бы переправленного ею кокаина. Торговцы наркотиками использовали ее в качестве вьючного животного, давая ей ровно столько, чтобы у нее оставалась крыша над головой, самая малость одежды и еды. Все это она делила с Мининой, которая позже стала матерью Бочкононого: семилетней девочкой, воспитанной при помощи затрещин, с неизменной печатью

страха на лице. Толстомясы́й покрывал Панчу лишь по субботам и только после полутора бутылок виски. Когда его утопили в дерьме, она была на третьем месяце. Потом родился ребенок с монгольскими чертами. Заниматься им пришлось Минине. Днями и ночами девочка носила на своих хрупких плечах, словно горб, полуобезьяну. Равнодушное время бежало себе и бежало, будни повторялись, как грязные жемчужины в поддельном ожерелье. В довершение всего, ребенок (его не наградили никаким именем и не окрестили) с пятнадцати лет начал испытывать сильнейшую эрекцию. Донья Панча, как ни в чем ни бывало, приказала своей дочери ложиться под умственно отсталое дитя и ежедневно по утрам, в момент наибольшего возбуждения, удовлетворять его. Минина не замедлила забеременеть и разрешиться младенцем с изуродованной ногой: то был Бочконогий. Как мать, так и бабка, увидев это уродство, испустили вопль ужаса. Еще одно чудовище! Наверно, он и его отец - дети дьявола! Новорожденному даже не дали сосать грудь, а сразу же выкинули на помойку возле пляжа. Косоглазый дебил, тем не менее, нашел его и с криками понес по городу, полу задушенного. Следом увязались несколько соседей, вооруженные

пистолетами и охотничьими ружьями. Когда донья Панча вышла навстречу с ножом в руке, ее обезоружили, задали ей трепку и пообещали свернуть шею, если она и впредь не будет заботиться о своих детях. Так он и рос, против собственного желания: спал рядом с дефективным отцом, одевался в лохмотья, и все издевались: «Бочконогий! Бочконогий!» . В один прекрасный день изо рта идиота вырвалась струя крови, прямо на лицо его матери, и он умер. Бочконогому нечего было делать в одном доме с двумя ведьмами, он подался в казарму карабинеров и стал полицейским, как дед. Это все, что он помнил: воспоминания, словно быстроходный лайнер, пронеслись по океану забвения и скрылись. Они больше ему не принадлежали. За его стеной простиралось белое пятно пустыни. Он спрыгнул с каравеллы на песок, вырыл ямку, закопал ее и нарисовал сверху крест. Бочконогий погребен на веки веков! Что же ему оставалось? В беспредельной пустыне блуждала его вечная любовь.

Альбину разбудил собачий лай - долгий, нежный, приглушенный, как будто била крыльями ласточка. Она выплыла из сновидения, где была храмом. Храмом многоэтажным, с белокаменными башнями и барельефами на стенах, где мужчины и женщины соединялись в разнообразных

позах. Здание выросло из заболоченного озера, покрытого огромными, хрупкими цветами лотоса. На двери главного входа было выложено серебром монументальное «Т», на котором издыхал медный змей, прибитый тремя золотыми гвоздями. Богопротивный гад бормотал невнятные слова стихов, голос его смешивался с собачьим хором:

...къен дан лопон по на
къен по сер ги ме од тен дра
пан по гьи цад ри бо дра
лопон дри мей сел гон дра...

Возвратив себе человеческую внешность, Альбина сквозь тяжелый туман сна увидела множество псов, одетых в шафранные рясы и поющих эту песню, которая тут же обращалась в облако нежных, угловатых стрел. У нее в груди точно открылись уста, и она смогла понять каждое слово загадочных стихов:

У посвящения три ступени.
Монах - золотая урна.
Свидетель - гранитная скала.
Наставник - хрустальная сфера.

Альбина поймала себя на мысли: «Сияние золотой урны совершенно; очертания горной вершины

совершенны; незамутненная прозрачность хрустальной сферы совершенна». К ней вернулась память!

Итак, она могла измениться. Дрожь пробежала по ее телу, и немедленно началось превращение. Уже в облике белой суки, забыв про угрожающие слова, захлестнутая сильными, восхитительными ощущениями, она освободилась от пут. С большой осторожностью, чтобы не разбудить храпящих рядом, она слезла с крыши грузовика, и преследуемая на некотором расстоянии похотливой сворой, приблизилась к прекрасному дыхателю.

Первое, что она обнюхала, - пятно пота у него на спине. Таракан стал солнцем, простиравшим лучи во все четыре стороны - правильные, замечательные в своей тонкости. Она приблизила нос к его заду и члену: оттуда исходила не резкая вонь, а изысканные ароматы, медовой рекой хлынувшие в ее ноздри.

В свою очередь, самец просунул морду ей под хвост и облизал срамные губы сладким, гибким, смазанным нетерпеливой слюной языком. Она сделала то же с его красным отростком. Затем они посмотрели друг на друга. Убийца преобразился в ангела. Белизна его шерсти зависела не от пигмента: почти прозрачные волоски были полны света, который шел от гулко бьющегося сердца.

Он не попытался овладеть ею и остался стоять так, не моргая, глядя в ее розоватые белки. Остальные псы кружили вокруг них, шумно дыша. Обе собаки мало-помалу превратились: одна в Альбину, а другая - в статного мужчину.

Он упал перед ней на колени. Первым его словом было «прости», потом он зарыдал. Альбина, сама не понимая, что делает, скрестила пальцы, провела ими над головой своего кавалера, начертив семиконечную звезду. Принесенные последним сном, изо рта ее вырвались слова, продиктованные другим существом:

- Монах - золотая урна, так как он научился опустошать себя: сияние всегда невидимой истины есть любовь... И однако, ты по-прежнему стремишься хранить сокровище. Ты должен суметь сделаться Свидетелем: он - вершина неколебимой скалы, которая созерцает смену времен года и не задерживает ни туч, ни ветра, скользящего вдоль нее, ни света звезд. Если я луна, то ты - охотник, пускающий стрелы и не попадающий в луну... Волшебную птицу можно поймать, только отказавшись ее ловить.

Он понял, что неспособен назвать самого себя. Так же, как и отцу, ему не дали имени, а лишь оскорбительное прозвище «Бочконогий». Он воззвал к ней:

- Повелительница, дай мне имя!

Та ответила не раздумывая:

- Отныне ты будешь зваться Логан - слуга высшего пути. Ты не станешь мстить за себя и ввязываться в ссоры, ты станешь искать меня, потому что никогда еще не находил.

Альбина возвратилась на крышу грузовика, привязала себя веревками, забыла все сказанное и сделанное за последний час и заснула. Логан свистом подозвал псов. Те пришли и стали тереться у его ног. Он погладил каждого и направился вместе с ними к убежищу в скалах, изъеденных ветром, - укрыться от ночной прохлады.

глава 3. ДЕНЬ ТРЕТИЙ

С первыми же лучами - истошными воплями солнца - когда местность окрасилась алым, жадный Эчмит выскочил из кабины грузовика и тремя выстрелами в воздух разбудил всех.

- Шевелитесь, придурки! Завтракаем с лопатами в руках, мочимся, не отрываясь от работы, продвигаемся, несмотря ни на что, а кто свалится, пойдет на корм грифам, потому что у нас нет времени тащить его с собой! Воды и пищи осталось на два дня, так что считайте: день на поиски, день на возвращение. Или вы находите сегодня сокровища Атауальпы, или возвращаетесь с пустыми руками и поротой задницей!

Он провел по соломенным волосам металлическим гребешком и улыбнулся в сторону троицы, обнажив грозные, как у кабана, клыки.

- Давайте, покаянники, молитесь своему святому патрону, чтобы эта свинья Киркинчо навел нас на след!

Первоначально почва была мягкой, и поскольку корень змеился неглубоко, то шли со скоростью

три километра в час. Но через пятнадцать километров путь землекопам преградила гигантская стена. Это был один из андских отрогов, источенный ночными порывами ветра, которые, не принося влаги, спускались с горных вершин к Тихому океану. Между гребнями, упиравшимися в небо, приоткрывались узкие проходы, и все вели в разные стороны. Число их превосходило сотню. Эчмит забеспокоился. С угрожающей ухмылкой он выплеснул флягу воды на спину броненосца:

- Дерьмовая скотина, показывай, куда идти!

Зверек зарылся в песок, влажный от натекшего с его панциря воды, а затем, обратившись в бронзовую статую, застыл, глядя на ямку. Проклятый корень дальше не шел вдоль поверхности, а вертикально уходил вглубь. Поведение вполне объяснимое: здесь, у отрога, заканчивался песок и начиналось царство скал. За миллионы лет ветра так и не смогли разделаться с этими гранитными громадами.

Решили выкопать яму четырехметровой глубины: корень по-прежнему устремлялся вниз. Еще четыре метра: то же самое. Возможно, чтобы добраться до воды, растительный червяк проходил под основанием горной цепи, в нескольких километрах от поверхности. Эчмит, укрываясь от

солнца под раскрытым зонтиком, топнул ногой по земле; поднялось облако пыли, принявшее очертания грифа. В бешенстве и отчаянии он заорал:

- Мазафакер, санавабич, писофшит! Этот долбаный корень меня задрал! Чертов след потерялся! Что теперь делать? Вернуться? Чтобы меня называли козлом?! Никогда! Если святой Петр, мать его, хочет роскошную яхту, пусть приподнимет свою грязную задницу и скажет, по какой из этих блядских тропинок идти! Слышите, покаянники хреновы? Настал момент истины!.. Но сначала! Рабочие с рудников возвращаются, они больше не нужны. О'кей? Солдаты остаются со мной и держат этих монахов на мушке. Если я не получаю правильного ответа, все трое немедленно будут расстреляны. А теперь, покаянники, говорите: какая дорога ведет к золоту?

Деллароза, Каракатица и Альбина, невзирая на удушающую жару, почувствовали, как холод пронизал их до костей. Гипсовый святой неизменно улыбался, но не обладал даром речи и не мог указать путь. Просить помощи? Но у кого? Оборванцы-рабочие, с лопатами и заступами на плечах, не оборачиваясь, пустились обратно вдоль реки. Солдаты с винтовками наперевес были готовы в любую секунду нажать на курок. Эчмит

открыл рот, чтобы отдать зловещий приказ. Время ползло теперь, словно улитка, по прямой - вплоть до финального выстрела! Каракатицу больше всего беспокоило то, что надо было выбрать: умереть в широких объятиях великанши или в коротеньких ручках карлика. Она не хотела предавать никого и потому обняла саму себя. И тогда Альбина сбросила рясу и предстала обнаженной! Улитка превратилась в борзую. Вот что случилось в одно и то же время:

У разинувших рот солдат опустились ружья и встали члены. Эчмит, нечувствительный к женской красоте (он привык подставлять зад мистеру Нил ли, североамериканскому управляющему), выкрикнул «Мата Хари!» и вскинул револьвер, собираясь пронзить груди, выпирающие бесстыдно, точно футбольные мячи. Тут невесть откуда взявшийся белый пес отхватил ему кисть. Другие псы, темные, грязные, вонзили клыки в глотки солдат; на ногах не осталось ни одного. Смертельная бледность покрывала лица солдат, валявшихся, точно удивленные обезьяны, в кровавых лужах, которые песок не замедлил в себя впитать. Эчмит с упрямством надсмотрщика выдернул из кобуры второй револьвер, пытаясь выстрелить из него левой рукой. Но псина отгрызла и ее одним

духом. Потрясая обрубками, из которых хлестали гранатовые струи, он устремился к Альбине. Псы преградили ему дорогу и пожрали в два счета. От Эчмита остался лишь белокурый локон парика.

Время понемногу входило в обычный ритм. Все заняло меньше минуты. В царственном молчании далей, среди весело помахивающих хвостов - высунутые языки собак все еще были в крови - Каракатица, по-матерински поддерживая Амадо, перемежавшего рыдания со рвотой, и Альбина, бесстрастная, как палач, за столетия привыкший каждодневно обезглавливать по тысяче воинов, совершенно не понимали, что им делать. Отогнать псов камнями? Рискованно. Тот, кто превратил их в союзников, может сделать из них безжалостных злодеев. Лучше погладить собак и вернуться назад вместе с ними. Вернуться назад? Вот так, с пустыми руками, без магического средства, чтобы и дальше сеять собачий вирус? Ни за что! Идти вперед? Правильный путь может пролегать через любое из ста ущелий. И если все-таки найти этот путь - задача почти невыполнима: как рыть, если нет ни лопат, ни заступов, ни рабочих рук? Все трое с тревогой поглядели на броненосца. Вместо ответа тот свернулся в клубок. Амадо, вытирая губы рукавом, встал на колени перед Логаном, не

отводившим глаз от своей богини, и униженно прошептал:

- Донья Альбина, неземная, хоть вы и не любите меня, но выслушайте, что я скажу...

Великая весталка едва не удержалась, чтобы не послать его пинком на другой конец света и посмотрела на него, сдвинув от отвращения брови. Необычайно: он выглядел побитым, как пес! Что-то изменилось в каждом из них. Некогда свирепый, грубый, грязный, уродливый хищник благодаря сияющим белым кудрям и полному любви взгляду походил на ангела. Бесхитростный карлик, съезжившись от самоотверженности, излучал столько чувственного тепла, что тень его сделалась прозрачной. Эти двое, распростертые ниц - и преображенная Каракатица, стройная, с невинным лицом, и собачья свора, невинно переваривающая лже-гринго, будто перегрызть горло взводу полиции и пообедать христианином было милой шуткой, - все они говорили о том, что мир изменился. Альбина почувствовала, как чей-то широченный, горячий язык облизывает ее с ног до головы. Пыль, камни, горы, живые существа отныне были ее друзьями. Она захотела узнать, что же собирался сказать Амадо, полагая, что его слова исходят из огромных уст в сердцевине неба:

- Не бойся, малыш, говори...

- Госпожа, хуже, чем сейчас, не бывает. Теперь все должно наладиться. То, что вы разделись, - не пустой знак. Когда разум не находит ответа, тело может подсказать его.

Альбина сразу же вспомнила о загадочных словах доньи Софокос: «Не голова, не сердце: ведут лишь ноги!» Она постигла их смысл: интеллект, работая с порожденными опытом идеями, не способен предсказать будущее. Точно так же и сердце не в состоянии указать путь: ничем не сдерживаемые чувства - темный осадок - воздействуют на стрелу интуиции, и та отклоняется от цели... «Лучше остановить поток слов, пока разум не предстанет черной впадиной; лучше, если чувства растворятся в крови, пока в биении сердца не послышится звон хрустального колокольчика; после этого, пропуская через себя свет, восстать из костей и плоти и растянуться до хруста в суставах!»

Итак, она стояла перед расселинами. Оттуда свирепо вырывались потоки сухого воздуха, обдиравшие Альбине плечи и грудь, ранившие ее соски песчинками, отточенными, словно крошечные кинжалы. Ни малейшей вероятности, что в них существовала хоть какая-то жизнь, даже в

виде веселых пауков. И все же, преодолевая боль, она неумолимо обшаривала одно за другим мрачные сухие углубления. Вдруг каждая пора ее кожи обратилась в утоляющий жажду рот: из самой узкой щели неслось дуновение, напоенное влагой. Кожа Альбины, возвращаясь из отдаленного чистилища, раскрывалась - казалось ей - как роза, впитывающая рассветную росу.

- Вот он, путь! Здесь могут пройти только звери, корни и облака!

Как только Альбина выговорила это, собачья орда со своим белым вождем устремилась к проходу. Но повелительное и суровое «Стойте!» задержало их на самом краю трещины. Мраморные руки терялись среди ярко-белого меха. И эта белизна соединяла женщину и пса в нераздельный монолит. Глаза животного, опечаленные тягостным наслаждением неутоленной страсти, наполнились жгучими слезами. Но голос его богини превратил слезы в сладкий мед.

- Логан, хотя ты - не кто иной, как переродившийся Бочконогий, ты еще не обрел себя. Тебе следует научиться быть Свидетелем и никогда не втягиваться в спор: гора равнодушна к переменам в окружающей природе, она не путешествует вместе с перелетными птицами; невозмутимо

дожидайся конца времен, и ты окажешься там, где тебя нет... Достигнув этого, ты заслужишь имя Мастера. Не храни ничего, и все станет твоим. А когда все станет твоим, ни одна душа ничего у тебя не отнимет. Ты наконец перестанешь страшиться, что потеряешь меня... Покажи, что ты умеешь претворить свое желание в ненарушимое спокойствие, и жди моего возвращения... Додчаг джин па чен бо гьи... ньямпар нэй па жи бай нан...

Как только отзвучали непонятные слова, поджарый пес залаял и повел свору к пятну тени. В прохладной черноте зрачки его блестели, подобно далеким звездам.

Стоило Альбине ступить на тропинку, как тысячи змей подняли головы, чтобы ужалить ее. Но тут же нападение обернулось лаской: змеи ползли по лодыжкам, взбирались по ногам, обвивались вокруг них, точно разноцветные кольца. «Осторожно, Изабелла» - крикнул коротышка и заставил Каракатицу отпрыгнуть назад вместе с ним.

Некоторое время Альбина стояла неподвижно. Беспорядочные сгустки воспоминаний пробивали себе дорогу через плотины памяти, чтобы затем сесть на мель, - остатки кораблекрушения в мозгу. Картины, перемежающиеся голосами евнухов, чье

невнятное бормотание мало-помалу переходило в четко различимые звуки... «Над ла кор ла цун ла бор...»

«Возьми свое сердце в осаду и заставь его повиноваться...» Ее несли в паланкине по заснеженным горам и долинам. Дюжине гусей свернули шею, чтобы выкупать ее в крови. «Са рэг мар ла бал мо баб... Вызови чешуйчатого бога, принеси ему в дар призрак своей плоти...» То была некая женщина, одетая, как святая, но накрашенная, как проститутка. Жрецы, взяв два серебряных жезла с двумя остриями на конце каждого, вводили ей в тело яд кобры. «Ты станешь неуязвимой богиней, и свирепость твоя не будет знать пощады...» Альбина с глубокой грустью взглянула на свою подругу и на карлика, поняв, что оба они принадлежат к расе смертных. А она, если верить евнухам, была могущественней самой смерти. Нужно было смириться с этим, наблюдая, как старятся и умирают все те, кого она любила в своей бесконечной жизни. Альбина резко тряхнула головой, превратив ее в полый маятник:

- Хватит! Я не хочу, чтобы воспоминания приходили ко мне! Они не мои, они идут, отравленные, издали - может быть, из другой вселенной!.. А вы вдвоем возьмите меня за руки и не

отпускайте ни на секунду. Пока вы касаетесь моего тела, змеи вас не ужалят.

Надо было не только идти, держась за руки, - множество змей блестело под ногами, словно зеркало реки, - но также не делать резких движений и не говорить громко. Стоило перейти с шепота на голос, тут же сыпались лавины камней. Стоило рукаву потереться о рубашку, как от еле слышного звука с гор слетали комья окаменевшей земли.

- Надо раздеться и разуться, - приказала Альбина. Тут же Изабелла стала опять Каракатицей, и к ней вернулись прежние тревоги. Несмотря на сладкий взгляд верного коротышки, из глаз ее потекли два обильных потока слез; но плач был безмолвным. Каракатица медленно принялась раздеваться, точно каждая тряпка весила тонны и тонны. Амадо последовал ее примеру. Голые, похожие на провинившихся детей, они приблизились к своей высокой предводительнице. Та наблюдала за ними с растущим изумлением. Ее отношения с Каракатицей - стыдливой во всем, что относилось к плоти, - происходили через обмен взглядами, касание душ, а телесный придаток, хотя и служил пищей для глаз, был чем-то неважным. Но теперь, оставшись беззащитной, Каракатица перестала быть уродливым сгорбленным

существом, которым всегда ощущала себя, - она превратилась в статную самку: тугие груди, глядящие в небо маленькие соски, тонкая талия, мягкий изгиб бедер, развитые, рельефные мускулы. Позвоночник, впитав энергию любви, распрямился, придавая ей чисто цыганскую грацию. Точно так же и недомерок, преобразенный любовью к своей подруге, был теперь отмечен красотой... Альбина устыдилась. Потеряв память, забыв о себе самой, она забыла и о том замечательном, что есть в мире. Но сейчас все менялось: в конце расселины ее ожидал кактус с чудесным цветком.

Они продвигались медленно; высокие каменные стены с обеих сторон требовали хранить молчание. (Путешественники заметили, что при малейшем слове, которое приходило на ум, сверху срывался камень). Так, с опустошенными мозгами, ни о чем не думая, сцепив руки, словно навечно, они подошли к громадному гранитному барьеру. Расселина оказалась тупиком! Изабелла и Амадо снова стали Каракатицей и неудавшимся самоубийцей-карликом. Все рухнуло. Это грандиозное отрицание - отрицание материи, плотное, жестокое, непроницаемое - не оставляло ни малейшего пространства для духа. Надежда обрести свободу была утрачена. Здесь, у подножия

стены, без единого шанса достичь вершины, они вновь - и навсегда - станут теми, кем были раньше: Госпожа продолжит царствовать посреди Каминьи, отправляя на кладбище иссохшие тела тех, из кого высосала жизненные соки; Альбина, в бессильном порыве озарить свою душу, поддастся зову плоти, и собака в ней понемногу вытеснит богиню; зараза распространится по миру. Лучше бы Бочконогий вовремя прикончил их! Да, это омерзительное создание было орудием Бога, не дьявола. Лучше пуститься по тропинке, чтобы змеи справедливо их наказали! Так и сделали. Но вот еще одно разочарование: гады, чувствуя Альбинин запах у всех троих на руках, поворачивали и уползали в свои щели. Каракатица и шляпник удрученно взглянули друг на друга, печально обнаженные, как Адам и Ева, изгнанные из рая. Может, какое-нибудь доброе божество покроет их мягкой и прочной кожей?

Альбина не пала духом перед неодолимым препятствием. В ее сознании, будто рождаясь из клейкой магмы, всплыл образ ее самой, вскрывающей череп трупа для того, чтобы пожрать мозг. Евнухи, лежа ничком вокруг нее, пели: «Дэй чир гег ки бар чод лэй... гег ла луд пэн то ру чья... Когда явятся демоны и преградят тебе путь... выполни

благодетельный обряд, отдай им требуемую дань...» Альбина принялась ласкать стену, словно своего любимого. Она прикладывала и отнимала руки, куда устремился весь напор ее чувств, она была готова трогать камень часами, пока он не обратится в живую кожу. Пот, текший с ее ладоней, оставлял на твердой поверхности пятно, которое расползлось все шире. Не желая того, Альбина создала собственный портрет: ноги скрещены, пальцы сцеплены в медитации. Между мускулами было небольшое углубление. Она просунула туда пальцы и нажала: кусок стены подался и отъехал в сторону, открыв дверь в форме змеиной головы. Дверь распахнулась, странники вошли в нее. Подперев дверь валуном, - чтобы случайно не остаться запертыми в неприветливом подземелье, - они вступили в галерею, стены и своды которой были покрыты чешуйчатой резьбой. Галерея привела к площадке, со всех сторон стиснутой горами. Наверху, на высоте двух тысяч метров, виднелось круглое голубое пятно, откуда по гладким склонам струился свет. Воздух был чистым, влажным, благоуханным. На плодородной земле росли всевозможные травы и деревья тропических лесов; над густой порослью звенел громкий хор попугаев. Как только пересохшие

ступни путников коснулись нежного мха, сотни птиц закружились возле Альбины. Оперение их поменяло цвет с зеленого на белый, так что они напоминали теперь стремительное облако. Амадо, чтобы проложить путь, разгонял крикунов, угрожающе размахивая кулаками. Пернатые отлетели прочь и уселись на дерево, усыпанное огромными красными яблоками. Белые перья мало-помалу сделались гранатовыми. Каракатица захлопала в ладоши:

- В жизни не видела ничего подобного! Они меняют цвет, как хамелеоны!

Амадо, как всегда озабоченный точностью высказывания, поправил:

- Меняют все, кроме одного. Посмотрите вон на того серебристого: он остается прежним и отражает свет, как зеркало.

Птица будто догадалась, что речь идет о ней, взлетела - стая поднялась следом - и привела всех троих к каменной платформе с трещинами, заполненными водой. В центре ее имелось отверстие. Главный попугай остался серебристым, остальные приобрели небесно-голубой оттенок и всю галделу. Из дыры ударил водяной столб десятиметровой высоты. Среди мириад искрящихся капель возникла радуга. Попугаи, исключая непохожего на

всех, разбились на семь групп, каждая своего цвета и начали облетать гейзер, пока через несколько минут он не иссяк. Тогда они уселись на ветки буйных растений, вернув себе зеленую окраску. Появились новые зеленые попугаи, на этот раз ростом с человека: они угрожающе двигались между папоротников, неся копыя с медными наконечниками. Под клювообразными шлемами блестели черные лица. Воины умело отогнали троицу к центру платформы, пока ступни путников не оказались на краю пропасти. Амадо и Изабелла нежно взглянули друг на друга, переплели руки и покорно приготовились ждать уколов, которые столкнут их вниз, в кипящую воду. Они познали любовь, они могли теперь умереть... Альбина же с налитым кровью лицом издала резкий свист. Человекопопугаи, впечатленные ее отвагой, остановились. Яростный лай заглушил густой шепот сельвы, и набежали псы. С лап все еще свисали змеи, но, полные решимости защищать свою богиню, они были равнодушны к яду, точившему их изнутри. Логан ошеломительным прыжком перепрыгнул через головы воинов и приземлился рядом с Альбиной. Затем зарычал, приказывая псам броситься на врага. Они уже собирались выполнить приказ, когда раздался торжественно-хриплый голос: «Ни с места!»

К ним приблизился идол трехметрового роста. На позолоченном шлеме развевался плюмаж из зеленых перьев. Щитки и ленточки, украшавшие его тунику, придавали ему вид безумной ящерицы. В руке он держал жезл в форме змеиного хвоста, на конце которого висели костяные бубенчики. Лицо закрывала деревянная маска, обработанная так, что походила на голову гремучей змеи; заканчивалась она рожком.

- Я видел таких в книгах по археологии: это наряд инкских воинов. А живой идол - колдун-целитель, - дрожа, прошептал Амадо. - Помоему, эти маги обладали сверхъестественной силой. Главное - не смотреть на жезл, он гипнотизирует.

Идол медленно и величественно поднял руку. Из рожка донесся устрашающий голос:

- Падает камень на кувшин: горе кувшину! Падает кувшин на камень: горе кувшину! Если битва проиграна заранее, зачем начинать ее? Псы могут убить моих воинов - это не избавит их от возмездия. Прежде всего, они укушены моими змеями: яд прикончит их в полчаса. Затем...

Он топнул деревянным котурном по трухлявому стволу. Эхо от стука заполнило лес. Поднялся гвалт, в котором различались рычание и вой...

- Слышите? Так кричат наши гориллы. Больше сотни этих могучих созданий по моему приказу кинутся на вас и разорвут на части... Наконец, мои глаза могут испускать смертоносные лучи...

Он поглядел на уступ, которым обрывалась круглая стена. От него оторвалась глыба и упала на дерево, с которого слетело множество попугаев, сменивших цвет с зеленого на темно-коричневый.

- Видите? Вы пропали! Вам дан выбор: умереть с позором, став пищей обезьян, или же с достоинством, бросившись в колодец, где бурлящая вода лишит вас тела, возмутители спокойствия... Мы, воины повелителя Атауальпы, не потерпим, чтобы наш священный лес был осквернен проклятой расой.

Не расцепляя рук, Амадо и Каракатица наклонились и посмотрели вглубь колодца. Между раскаленными скалами бесновалась плотная вода, при столкновении с камнем порождавшая облака пара. Амадо с Каракатицей поцеловались, прижавшись языками, желая перелить друг другу свои души. Они приготовились прыгнуть. Альбина сурово остановила их.

- Стойте! Никто не должен приносить себя в жертву! Помните, что я когда-то сидела на троне. Старики украшали меня венками и пели детскими

голосами: «Слава тебе, божественная мать, ведь ты сражаешься, не думая о победе, и прежде, чем одолеть бесчисленных демонов, ты одолеешь саму себя». Насчет победы решают боги, но насчет сражения решаем мы сами. В атаку, верные псы!

Как только свора кинулась на свирепых воинов, те побросали свои копья, крылья и птичьи клювы, поспешив укрыться в зарослях кустарника. Половина оказалась женщинами. Идол прогремел: «Ни с места, святотатцы, я зову горилл!» и снова ударил по пустому стволу. От воя и рычания задрожали листья на деревьях. Альбина указала на то место, откуда двигались грозные существа: «В атаку!». Псы побежали, насколько позволяли им лапы, ослабленные ядом. Через короткое время они вернулись, преследуя сотню обезьянок, крошечных, но широкомордых, испускавших оглушительные крики ужаса. Амадо и Каракатица, увидев, что опасность рассеялась, присели на корточки. Альбина погладила Логана и, указав пальцем на идола, воскликнула в третий раз: «В атаку!». Преданный зверь бросился на колдуна в готовности быть испепеленным лучами из его глаз, но тот повел себя неожиданным образом: побежал прочь, сразу же утратив все свое величие. Во время этого невероятного бегства ветки сбили его плюмаж, с головы

упал шлем, идол потерял тунику, высокие котурны, жезл и наконец, превратившись в толстенького седоволосого индейца, рухнул наземь. Логан, не имея ни малейшего желания вонзять зубы в этого труса, гордо остановился, обнюхивая ему зад. Другие псы, менее сдержанные, один за другим помогли на него. Старик завопил:

- Сжальтесь! Не ешьте меня! Я знаю растение, которое обезвредит яд.

Он дополз до дерева, сорвал с него несколько красноватых листков и протянул их пострадавшим собакам. Пожевав листья, те почувствовали облегчение. Альбина же тем временем изучила кусок скалы, отколотый колдуном, и внезапно расхохоталась:

- Старый обманщик, ты наступил на эту лиану и запустил особый механизм, чтобы валун отвалился! Не бойся, мы не собираемся красть сокровища Атауальпы. Мы ищем кактус шиграпишку, и нам просто позарез надо его обнаружить.

Старик, вскочив на ноги с ловкостью подростка, принялся издавать пронзительное кудахтанье, выражая тем свою радость.

- Ах, ах, какой счастливый случай, ведь только я знаю, где он растет! Но я не покажу вам, где, если вы не выполните мою просьбу!.. Однако прежде

всего, чтобы в деревне не утратили почтение ко мне, следуйте за мной, как загипнотизированные...

Круглый старичок подобрал детали своего одеяния, напялил их на себя и голосом, усиленным с помощью рожка, триумфально возвестил:

- Дети мои, чужестранцы побеждены моим волшебством! Я веду непрощенных гостей в храм, где их военные песнопения превратятся в мирные!

Мужчины, женщины и дети - смуглые, косоглазые, с гладкими черными волосами, изогнутыми ноздрями, крупными зубами, выкрашенными в зеленое, окруженные мартышками, попугаями, цаплями, зайцами, ламами и гуанако, прыгающими, летающими по кругу, праздновали окончание войны криками, песнями, смехом и болтовней. Один только серебристый попугай забил крыльями и воскликнул: «Врешь, врешь, врешь, старый пердун!». Колдун нежно ответил ему: «Благословен будь, хамский попугай, ты - необходимое зло!». Смех и песни не стихали.

Вход в святилище, укрытое внутри горы, был украшен монументальными колоннами в виде гигантских голов с узким лбом, вздернутым носом и удлиненными мочками ушей. Через него проходили в просторную пещеру, где путники расположились на отдых, пока племя продолжало веселиться

снаружи, в лесу. Логан и собачья свора расположились возле Альбины. Изабелла и Деллароза сели, прижавшись друг к другу, в укромном уголке. Старик, с облегчением освободившись от внушительного одеяния, настоял, чтобы все выслушали его рассказ.

- Слушайте внимательно то, что я говорю, иначе вам не понять, почему я прошу то, чего прошу. Мы - потомки тех, кто несколько веков назад пришел сюда, сопровождая нашего верховного повелителя Атауальпу. Когда высадились испанцы, снедаемые постыдной жаждой золота, мои предки с готовностью предложили им весь металл, имевшийся в царстве. Однако подлинное сокровище - то, которое дурно пахнущие варвары были не в состоянии оценить по достоинству, - осталось скрытым от их глаз. В стародавние времена сюда явились - никто не знает, как - желтый человек и женщина с волосами и кожей, белыми, словно летние облака. Мужчина - Манко Капак - был тяжело ранен; женщина, Мама Окльо, великолепная самка, закрывала лицо маской, сделанной из чего-то вроде мрамора. Манко Капак вскоре умер. Мама Окльо заставила нас разрезать его тело на куски и скормить грифам. Затем сказала: «Для него это конец пути, но конец должен стать началом. Здесь

мы возведем первый Храм». Эта прекрасная женщина сперва научила нас говорить на языке, который, с его двойными смыслами, настезь распахнул наше ограниченное сознание. Потом она показала, как следует напрягать умственные силы, чтобы двигать по воздуху каменные глыбы. Так мы заложили города на вершинах высочайших гор. Мы узнали, кроме того, как выращивают злаки, вяжут пончо из шерсти лам, добывают огонь, обрабатывают металл, управляют людьми с помощью справедливых законов. Она объяснила нам, что такое мир, она была нашей матерью. Но никогда не снимала маски. Она прожила намного больше, чем ее ученики. Прошли века. Мама Окльо перестала выходить из храма, ставшего ее приютом. Империя, созданная благодаря ее знаниям, распространилась на весь континент. Жизнь теперь уже не занимала ее; все, что ей хотелось, - это спать. Один из наших жрецов, не в силах сдержать любопытства, проведал, что Мама Окльо спит глубоким сном, и сорвал с нее маску. Но не смог увидеть ее лица: белое и все еще великолепное тело рассыпалось облаком пыли. С благоговейным ужасом он узрел, что маска и была ее подлинной сущностью, что тело Мама Окльо было не более чем манекеном, лишенным собственной жизни... Из поколения в

поколение верховные жрецы передавали друг другу это одушевленное лицо, и оно, особым образом испуская свет, отвечало на все их вопросы. В день, когда наш повелитель Атауальпа унаследовал власть, комета прорезала небо. Мама Окльо - маска - предсказала скорую гибель империи. Когда пришли испанцы, они обнаружили вместо царя его двойника. Блеск золота ослепил презренные души стервятников, лже-Атауальпа был убит; но настоящий повелитель, пряча под плащом единственное сокровище, с которым не могли расстаться инки, с отрядом воинов бежал в пустыню. Маска указала ему путь к этим райским местам. Страшась, что захватчики могут найти его убежище, Атауальпа бросил Маму Окльо в тот колодец, откуда бьет гейзер. Как только кипящая бездна поглотила богиню, повелителем овладела тоска, и жизнь его вскоре оборвалась. В потайном месте четыре его верных спутника - покончивших потом с собой - соорудили могилу. Одни лишь знахари-колдуны, к роду которых я принадлежу, знают, где укрыто набальзамированное тело верховного инки... Со временем из его черепа пророс могучий кактус: отказавшись от влаги гейзера, он простер свои корни вплоть до границ пустыни, не столько в поисках воды, сколько для того, чтобы утвердить право инкской империи на

эти земли... Я могу открыть вам точное местоположение царской могилы; но нужно, чтобы кто-то из вас спустился в преисподнюю и вернул моему племени священную маску. Мы провели века в благодатной сельве, питаюсь фруктами, проводя время в мечтаниях, - и от этого совсем захирели. В мире грез мы храбрецы, но когда соприкасаемся с реальностью, ведем себя, как трусы. Однако Святая Мать вновь даст нам силу, потребную, чтобы выйти из нашего сладкого заключения и одолеть окружающий мир... Не думайте, что пытки заставят меня выдать тайну. Я достаточно прожил и могу умереть без сожалений. Или вы добудете Маму Окльо, или останетесь без кактуса!

Логан выгнул спину, оскалил пасть, обнажив острые клыки, и зарычал. Альбина хлопнула его ладонью по боку:

- Спокойно, мой друг! Я уже навредила тебе, оторвав от созерцания, присущего Монаху, и вызвав к нам на помощь. Если ты начнешь вмешиваться во все мои ссоры, то никогда не станешь Наставником. Как бы то ни было, кусать старика бесполезно, на этот раз он не шутит. А я, если хочу вдохнуть аромат исцеляющего цветка, который раскроется поутру, должна добыть бесценную маску...

Альбина сделала величайшее усилие, превратив свое сознание в острогу и метнув ее в глубины памяти. И она настигла воспоминание: евнухи усадили ее, обнаженную, на вершину заснеженной горы, велев оставаться неподвижной семь дней и семь ночей, отражая натиск ледяной стихии... Они пели: «Йа рин код ла зен деп ба. Ког гай джур кад цон ла дран...» и оставили ее побеждать холод или умирать. «Если хочешь заставить богов и чудовищ повиноваться тебе... примани их радостным и мелодичным звуком...» Она узнала, как побеждать холод. Этот звук сможет победить и жару. Нет, дело не в том, чтобы растопить снег или заморозить кипящую воду, а в том, чтобы остаться невредимой после нечеловеческих температур.

Ее научили, как укрепить гортань, подражая месяцами соловьиному пению. Там, издавая протяжные ноты, пока внизу творился сущий ад, она достигла того, что ее тело стало холодным, как ледяная глыба. Она могла теперь идти по горящим углям, и на ступнях не оставалось ожогов. Ей возвестили:

- Ты - та, кого я ждал, ты - единственная, кто достоин освободить меня. Я погребена под морем лавы.

Альбина погрузила руки в огненную магму, порылась там несколько минут - они показались ей вечностью - и достала маску, к которой не пристала ни единая частица огненной жидкости.

Когда она показалась наверху, вынесенная бьющим к небу потоком, туземцы упали на колени. Маска цвета слоновой кости ничем не отличалась от лица Альбины! Объятые трепетом, издавая вопли экстаза, индейцы протягивали руки к той, которая смотрела на них, восседая на мощном водяном столбе: «Мама Окльо, Мама Окльо!»

Гейзер перестал бить, и Альбина ступила на скалу. Инки, расталкивая друг друга, кинулись целовать ее ноги. Тупакумару - так звался колдун - разогнал их, позвеневав бубенцами на своем жезле. Позже, в бедно убранном святилище, он склонился перед Альбиной, прижимая маску к груди:

- Святая женщина, мать всех нас, посланная богами, прости меня тысячу и еще тысячу раз! Я поддался малодушию и неверию. Я принял тебя за непрошеную гостью, завоевательницу во главе армии демонов, я подверг тебя испытаниям, рассчитывая, что ты не выдержишь их. Я был уверен, что ты останешься похороненной между раскаленных скал. Я заставил тебя искать Маму Окльо, не сознавая, что Мама Окльо - это и есть

ты... Ради всего, не уничтожай ни меня, ни мой народ, на сжигай лес, дающий нам жизнь, пожалей невинных животных, смилуйся над нами! Вот уже спустилась ночь, и под ее покровом я не смогу повести тебя в пещеру, где растет шиграпишку. Мы отправимся туда утром, с первыми проблесками зари. Но войти в пещеру должна ты одна. В подземном ходу, проложенном к могиле повелителя Атауальпы, свила гнездо безжалостная Госпожа. Она пожирает всех, кто осмелится проникнуть в запретное укрытие. Оружием ей служат неодолимые чары ее голоса. Она говорит и говорит, убеждает, и в конце концов жертва просит у нее неслыханной милости - сделаться пищей для червей... И если ты, Мама Окльо, защищенная своим могучим волшебством, останешься нечувствительной к ее обольстительным речам, то увидишь, как рождается цветок!

глава 4. ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

С первыми ответами зари черное оперение попугаев порозовело. Серебристый открыл один глаз и проворчал: «О ужас! Опять все тот же кошмар!» Тупакумару вел своих гостей к тайной пещере по тропинке двадцатисантиметровой ширины, умело проложенной по склону горы - так, что со стороны ее не было видно. Каракатица и Амадо дрожали. Чтобы не упасть, все двигались боком, спиной к гранитной стене: пятки прижимались к отвесному склону, а кончики ступней нависали над бездной. Альбина с уверенностью лунатика спокойно следовала за колдуном по бесконечному подъему. Броненосец, после прихода в лес жадно поедавший все разновидности бабочек, сопровождал их на почтительном расстоянии.

Пасть пещеры была узкой и из нее тянуло зловонием. Старик медленными, выверенными, чтобы не потерять равновесия, движениями снял мешочек с Альбининой груди:

- Вот маска, Мама Окльо. Она - твое сознание, пребывающее в веках. С ее помощью - если

со согласишься принять эту тягостную помощь - ты победишь Госпожу.

Альбина, которой мешало ее крупное тело, едва протиснулась внутрь пещеры. Идти пришлось на четвереньках, обдирая колени и локти; зажата между стен, Альбина едва могла дышать. Постепенно лаз расширился, сверху появились сталактиты, а снизу - скелеты, обернутые длинными нитями паутины. Зажав нос, женщина остановилась, давая зрачкам привыкнуть к полумраку.

Каракатица, оставшаяся снаружи, впала в отчаяние. Ее подруга скоро вступит в бой с губительным призраком - а она сидит здесь, посапывая в объятиях Амадо, словно кошка в течке. А что, если Альбина проиграет битву? После стольких лет совместной жизни, еще с тех времен, когда подобранная на улице Альбина не умела даже ходить в уборную, и Каракатица учила ее говорить, слово за словом, и потом, когда она впервые познала с Альбиной, что такое ласка, теплота человеческих отношений, и самых возвышенных, и самых плотских, - после этой благословенной дружбы она оставит Альбину умирать в одиночестве? Да, у нее нет возможности помочь подруге, но она хотя бы сделается верным

свидетелем Альбининой гибели и навсегда сохранит это в памяти.

- Мертвые живут, пока о них вспоминают. Они питаются нашим опытом, разделяют наши мечты, растут, просто существуют. Я иду!

- Нет-нет, любовь моя! Не покидай меня! Моя мать умерла при родах. Мой отец, посчитав себя убийцей, удалился в мир шляп и общался только с ними. Никто не достаивал меня ни единым словом. Если ты последуешь за ней и будешь съедена, я останусь в одиночестве, и оно окажется страшнее моего одиночества до встречи с тобой. Мой остров, где до того не обитало ни души, заполнится твоим невыносимым отсутствием.

Каракатица запечатала рот коротышки безнадежным поцелуем.

- Амадо, ни слова больше. Преданность для меня сейчас важнее любви.

Когда его возлюбленная скрылась в проходе, шляпник решил броситься в пропасть. Но Тупакумару удержал его:

- Не совершай той же ошибки, что и я. Проникнись верой. Если ты кинешься вниз, то лишишь ее силы твоих молитв. А они могут склонить исход борьбы в ее пользу. Не умаляй себя в своих глазах. Боги слышат все - даже топот муравьиных

лап по цветочному стеблю. Одна капля заставляет пролиться воду из сосуда, одно моление может сотворить чудеса.

Амадо прислонился к каменному склону и принялся повторять с безумным видом: «Господи, помоги ей!» Старик кашлянул. Устыдившись, человек тут же поправился: «Господи, помоги им!»

Каракатица прошла полный скелетов подземный ход и оказалась в сводчатом зале, стены которого были покрыты мхом, испускавшим слабое свечение. Укрывшись изгибом стены, она могла беспрепятственно наблюдать за своей подругой. От увиденного Каракатица покрылась гусиной кожей, волосы ее встали дыбом. Серая из-за скупого света, Альбина раскачивалась в гипнотическом трансе, слушая мрачный, густой, мерзкий, всепроникающий голос, исходивший от непонятной фигуры в три раза превосходящей ее. Под смутными очертаниями могла скрываться дама былых времен, паучиха, сука с отвислыми сосками - или же Альбинина уплотненная тень. Запах гниющих цветов ударил Каракатице в ноздри. Она упала, трепеща с ног до головы. «Госпожа, царящая в Каминье, не так ужасна: мы все знали про нее и разделяли тяжесть нашего знания.

Но эта подчинила себе именно Альбину. До чего Альбина бела и до чего же черна ее тень!» Тут мысли ее прервались: непрекращающийся голос жуткого существа, словно яд медленного действия, начал проникать ей в мозг...

- Родная моя, красивая, нежная, светлая моя пища, признайся, что тебе от меня не уйти. Если ты поспешишь, то придешь ко мне. Если нет, я приду к тебе. Если будешь идти не быстро и не медленно, я пойду рядом. Если закружишься в танце, я составлю тебе пару. Я ловлю тебя каждый миг, я - твоя мать и непрерывно рождаю тебя.

- Кто страшится меня - цепляется за этот мир, не зная, что весь мир принадлежит мне. Я придавала уничтожению невиданную красоту, я жду, пока жизнь не достигнет своего высшего проявления - и тогда начинаю разрушать ее с той же любовью, с которой создавала. О, безграничная радость! Где нет конца, нет и начала. Поэтому я и являюсь в облике беременной суки. Я - черная сердцевина всякого становления. Делай то, что делаешь, ты - моя добыча, и пущенная мной стрела ежесекундно настигает тебя.

- Чтобы войти в вечность, отдай мне то, что от века было моим. Иначе ты станешь цепляться за

то, что тебе чуждо. Пожертвуй последней иллюзией - взглядом, который хочет и надеется объять все. Позволь наградить тебя чистейшим взглядом мертвецов: два зрачка, которыми взирает одно лишь Верховное существо. Тогда твои мгновения станут вечными, все вокруг обернется зеркалом, ты увидишь себя в каждом лице, в каждом очертании, ты перестанешь различать материю и видимость, ты поймешь, что я не принадлежу тебе: я и есть ты... Давай же, подари мне свою душу, войди в мое лоно! Растворись во мне и начни, наконец, существовать!

Каракатица, видя, как Альбина медленно-медленно приближается к отвратительной тени - с остекленевшим взглядом, протягивая руки, точно умоляя пожрать ее, - потерла налитые свинцом веки. Разве она может помешать жертвоприношению? Разбудить подругу? Но как? Остается лишь бессильно наблюдать за кошмарным пиром!.. Тело ее размякло, стало слезами, наполнило глаза... Шершавый язык коснулся лодыжек Каракатицы. Верный Киркинчо пришел утешить ее, пребывавшую в горестном оцепенении. Несмотря на жесткий панцирь, Каракатица принялась поглаживать броненосца, словно кота. Зврек свернулся в шар. Не успев даже подумать,

Каракатица швырнула его под ноги Альбине. От удара женщина пришла в себя и поняла, что стоит в каком-нибудь метре от Госпожи.

- Назад, любовь моя, беги, беги! - взывала Каракатица. Но Альбина вместо бегства сунула руку в мешок, достала маску, надела на лицо, раскинула руки в стороны и дала заглотив себя. Огромное черное яйцо испустило довольное урчание. Другой своей стороной тень высосала мясо броненосца, оставив лишь тонкий панцирь.

В горле Амадо точно железная рука пошевелила голосовые связки. Там, на краю обрыва, пытаясь удержаться на узком карнизе, он перестал думать о самосохранении и почувствовал с безмерной тревогой, что наступила чья-то смерть. При мысли, что это Изабелла, словно бешеный конь взвился на дыбы в его груди: он перегнулся, безутешно рыдая, и готов был упасть вниз. С животной ловкостью Тупакумару схватил его за волосы и снова поставил у склона горы.

- Сын мой, у тебя недостает силы противостоять судьбе. То, что неизбежно, - всегда от Бога. Единственный способ обойти закон - это подчиниться ему. Прими потерю так же, как принимаешь дар, и возврати с благодарностью то, что тебе некогда вручили.

- Хватит, лживый колдун! Твои речи меняются, как цвет перьев у этих попугаев! Отпусти, или я кинусь вниз вместе с тобой!

Старик мгновенно выпустил его. Амадо, изо всех сил выкрикнув «Изабелла!», вошел в лаз и пополз, не замечая, что человеческие кости ранят его колени.

Каракатица, расплывшись в слезах, обняла коротышку. Тот, несмотря на радость от встречи с возлюбленной, при виде останков Киркинчо едва не отчаялся.

- Закрой глаза, сокровище мое: здесь Госпожа, и она переваривает нашу подругу в своем темном брюхе. Альбина проиграла сражение. Не хочу думать о том, как черные резцы превращают в лохмотья ее прекрасное, снежно-белое, божественное, ослепительное тело. Нет! Не хочу, чтобы в памяти осталась груда костей, скрепленных паучьей слюной! Амадо, я парализована, хватай меня за ноги, вытащи из этого проклятого ада!

Шляпник, ценой колоссальных усилий - ужас превратил его мускулы в желе - потащил Изабеллу. Внезапно внутри черного яйца заблестела яркая точка. Тень, сотрясаемая ударами, вытягивая во все стороны сгустки, будто тысяченогий тарантул, издала вой, похожий на гул

землетрясения. Блеск усилился, стены пещеры задрожали, начали отваливаться сталактиты. Каракатица и Амадо нашли углубление в стене и поспешили туда. Госпожа рассыпалась на тысячи кусков. Стоя прямо, словно карающий меч, Альбина, держала ослепительно сиявшую маску и издавала победные крики. Затем развеялись последние остатки черноты. Под сводами пещеры не осталось даже намека на тень.

- Уходите отсюда, друзья мои. Мне не нужны свидетели. То, что я должна теперь исполнить, требует одиночества. Возвращайтесь в святилище вместе с Тупакумару и ждите меня там. Если на рассвете я не вернусь, знайте, что я не умерла, а осталась в иных временах.

...Голос Госпожи баюкал ее, подобно колыбельной, воля исчезла в бесконечном пространстве подземного хода, черная патока заполнила ей грудь. Богиня-собака говорила правду: надо было сосать черное молоко вечного спокойствия из всех ее двадцати сосков, сделаться ребенком, войти в ее чрево... Но вот живой шар ужалил ступню. Благословенный Киркинчо, ты вырвал ее из-под гипноза! Темная оболочка, готовая окутать ее, была не доброй матерью, а самой что ни на есть едкой кислотой. Все клетки Альбины стремились теперь в

разные стороны: из лона мощным водопадом хлестало желание творить; сердце обрывало связывавшие его узы, чтобы сморщиться, как сухой плод; слова рвались наружу обезумевшим роем пчел; пустое, монотонное эхо беспрестанно повторяло: «Кто я такая?»

Нужно было вновь обрести внутреннее единство. Маска звала: «Надень меня!» Альбина так и сделала. Как живое существо, маска приникла к коже, впиалась в нее вокруг глаз и рта, пустила корни, проникшие в мельчайшие поры, захватила женщину вплоть до пальцев ног. Альбины больше не было: осталась одна маска. Она раскрыла объятия и оказалась в темном брюхе.

Госпожа была холодом, сковывающим все вокруг - Альбина же, черпавшая силу для жизни из светлой точки, без конца изрыгавшей наружу миры, превратилась в ее противоположность, в отважную победительницу вечной агонии. Эту полую отверделость, оголяющую горизонты, следовало привести в движение, преобразовать в жизнь с помощью победной песни матери, творительницы света. Сияние звезд достигло ее мраморной личины. В блеске этом соединялись солнца, галактики, млечные пути, в нем явилась совокупность всех светил и всех сознаний. И тогда

Госпожа, выйдя из неподвижности, раскололась на бесчисленное множество кусков, вычеркнутых из бытия Альбиной душой - отныне бессмертной.

У нее оставалось совсем немного времени. Цветок шиграпишку должен был вот-вот раскрыться. Альбина вошла в усыпальницу. Там, внутри, в золотом гробу покоилась мумия Атауальпы. Вытянутая, как веретено, она была завернута в хлопковую ткань, на которой блестили вышитые шелковыми нитями геометрические фигуры. Скрещенные на груди тонкие руки держали серебряный веер. Лицо, ничем не прикрытое, хранило спокойное и благородное выражение, несмотря на то, что из отверстия во лбу пробивался короткий стебель, усеянный шипами. Все выглядело могучим у этого кактуса: плотная, блестящая кора, издававшая хрустальный шорох, прозрачные острия шипов - из них сочился молочно-белый сок, сотни корней, похожих на удлиненные изумруды, пробили череп сзади, затем гроб, жадно ища каменистую почву, чтобы закрепиться в ней. Тугой, алый, необычайно крупный бутон раздувался и опадал, точно дыша, на вершине стебля. То был цветок, готовый после столетнего ожидания раскрыться лишь на десять секунд, распространить

вокруг себя сладостный до безумия аромат, способный помрачить разум самого уравновешенного человека.

- Браво, божественная моя, ты сейчас достигнешь того, ради чего родилась! - воскликнул высокий голос, сопровождая слова взрывом хохота, напоминавшим кошачье мяуканье. К ней плыла донья Софокос, на голове ее сидел Киркинчо, также состоявший из призрачной материи. - Ты победила свою Госпожу и теперь шествуешь между двух миров, реального и волшебного. Поэтому ты видишь нас. И слышишь. Все колдуньи этой части света знали, что рано или поздно ты придешь сюда - обрести свою подлинную сущность. Когда цветок раскроется и ты вдохнешь его аромат, на тебя нахлынут воспоминания, словно вода через пробитую плотину. Главное, не пытайся размышлять о той жизни, которую ты уже похоронила среди забвения; сорви цветок - он будет цвести один миг и после этого растечется водой. Водой настолько чистой, что ее можно уподобить душе. Рядом с гробом ты найдешь малахитовый кувшин. Как только лепестки раскроются, вдохни мутящий разум запах, затем сорви цветок и помести его в этот сосуд. Став жидкостью, он превратится в лекарство. Одна только капля способна убить

собачий вирус... А чтобы яркие образы прошлого не помешали тебе, мне поручили рассказать то, что ты вспомнишь очень скоро.

Ты была зачата на самом высоком в мире плоскогорье, в никому неизвестном уголке Гималаев. Твое настоящее имя - Ан-Бина. На твоём родном языке это означает «Рожденная во второй раз». «Ан-Бина» - кричали попугаи, посланные, чтобы приветствовать твое прибытие в эту страну, однако приютившая тебя добрая женщина, ослепленная белизной твоей кожи, услышала «Альбина» и окрестила тебя этим именем. Ты должна знать, что твоя мать, таинственная Мама Окльо, прилетела с далекой звезды на металлической птице. Наверное, земля не была ее уделом, и она из-за досадной ошибки сбилась с пути инициации. Она высадилась на высочайшей точке нашей планеты, в месте, где стояла загадочная крепость монахов-евнухов. Перед ними трепетали все, кто обитал у подножия Гималайских гор. Они спускались по снежным склонам на отполированных орихалковых плитах и похищали детей, которых потом кастрировали. Принужденные вдыхать дым одуряющих трав, дети превращались в послушных монахов. Единственным, имевшим привилегию носить свое орудие между ног, был Таши-лама,

потомок самого себя, прошедший череду тысяч перерождений. На его плечи - так гласит предание - опирался мировой свод. Он утверждал, что рожден от собаки, которой овладел Муктус, бог-демон, не различающий добро и зло. И когда ему, вечно скрытому во тьме своей необозримой библиотеки, показали почти умирающую Маму Окльо, умирающую не от холода, а от печали, ведь она навсегда рассталась с местом своего рождения, первое, что сделал верховный жрец, - укусил ее в плечо, чтобы заразить собачьим вирусом. В эту крепость веками не входили ни женщины, ни даже самки животных. Появление там чудесного создания, белого, словно вечные снега, с лицом, спрятанным за сияющей маской, породило сильное смущение. Пятьсот монахов, составлявших братство, возносили к небу свои жалобы: никогда прежде они не ощущали отсутствия мужских признаков. Богиня сделала их обычными калеками. Таши-лама, разъяренный, точно дикий зверь, вышел из добровольного заточения и пробежал на четвереньках по крепости, обнюхивая следы Мамы Окльо. Она же, благодаря исходившим от маски электрическим разрядам, всегда держала его на расстоянии. Когда ее возвышенный дух смог умерить боль от потери изначального рая, она не

смирилась со своим ужасным положением - быть единственным проблеском разума среди толпы монахов, скорее животных, чем людей. Она решила бежать из темницы. Это оказалось нетрудно. Мама Окльо подождала, пока не ударят колотушкой в форме собачьей головы по чугунному билу, возвещая о времени сна, и в крепости не стихнет беспрестанное гудение молитв. После этого она сосредоточила свои мысли на корне, пущенном маской посреди ее лба, прыгнула и оказалась за сто километров от крепости, в небольшой деревушке сплошь из каменных зданий. Мама Окльо опасалась, что если разбудит жителей, возникнет переполох. Вдали, на горе, в хижине горел огонь. Она вновь сделала гигантский прыжок и приземлилась около человека в лохмотьях, разрубавшего на куски чей-то труп; вокруг теснились громадные, прожорливые грифы. Этот отверженный, не имея возможности вырыть могилу в скале, кормил человеческими останками трупоедов. Он занимался столь презренным делом, что мог совершать его только под покровом ночи. Когда Мама Окльо приблизилась, человек не двинулся и продолжал отрезать от тела кусочки, которые бросал птицам. Те хватали их с довольными криками. Мама Окльо посмотрела на человека

бесконечно мирным взглядом, широко раскрыв свои глаза. «Послушай, женщина, если ты наблюдаешь за мной и не теряешь сознания от ужаса, это значит, что тебе присуще понимание смерти и всеобщего непостоянства. Может быть, ты подумаешь, что из-за своей страшной работы я стал презренным существом, но мой дух так же велик, как и твоя красота: у меня есть лишь мой нож и дырявая накидка, и никто не поднимет на меня руку, движимый алчностью. Я живу вдали от мирской славы и от мирских соблазнов, полный гордости за себя, не боясь прихода старости, не желая себе долгой жизни. Разрубая на части трупы и видя, как их пожирают птицы и звери, я сознаю, что высшая правда бестелесна, а чистота подобна безоблачному небу». Мама Окльо вытянулась на земле среди грифов, словно еще один труп. Человек потрогал ее острием ножа, затем прижался носом к прекрасному, бледному лону. Аромат, исходивший от этого магнетического центра, заставил его почувствовать зловоние птичьих глоток. Он взмолился: «Досточтимая богиня, ты возникла из ничего и вернешься в ничто, но возьми с собой меня. Мне больше не нужен этот мир, где редкая красота распускается, как немошный цветок посреди гниющего болота.

Если ты не сделаешь меня своим рабом, я тут же брошусь в пропасть, и пусть грифы освободят эти горы от моих нечистых останков». Мама Окльо поняла, насколько привлек ее этот человек, так же отрезанный от мира, как и она сама. Она решила начать новую жизнь, но, зная, что Таши-лама и внухи будут ее разыскивать, попросила незнакомца подождать до следующей ночи. Она вернулась в крепость и, пользуясь властью, данной ей благодаря маске, раздвоилась. Так появилась ты, Ан-Бина: та же Мама Окльо, но без маски. Лаская ее, ты ласкала также часть своей памяти, своего разума, своего могущества. И, несмотря на свой огромный рост, ты была настоящим ребенком.

Совершив задуманное, Мама Окльо вернулась к могильщику - то был не кто иной, как Манко Капак. Она объяснила ему, что человеческое тело не подготовлено к таким путешествиям: мгновенный перелет через пространство связан с риском для жизни. Но тот настаивал: «Неважно. Тело - это мимолетное видение, в других измерениях душа начнет новое существование, менее грубое и главное - вечное». Мама Окльо могла существовать только на большой высоте от уровня моря. Перуанское высокогорье подходило ей. Она

подхватила мужчину на руки и прыгнула дальше, чем когда-либо, оказавшись в месте по имени Куско. К несчастью, перелет стоил Манко Капаку восьми сломанных костей. Сотворившая тебя поняла, что ее обожатель не проживет долго. Так и случилось. Вскоре он покинул бренный мир с улыбкой на губах. «Я не оставляю тебя, моя богиня, я становлюсь еще ближе к тебе, с благодарностью отказываясь от своего иллюзорного бытия - ведь я постигну истинную природу твоей бесконечной души. В конце концов, я стану неразделен с тобой». Мама Окльо употребила все свое могущество на создание инкской империи. На ее глазах один за другим умирали императоры и их подданные, и постепенно скорбь по поводу быстротечности человеческой жизни проняла ее до костей. Ее собственное существование длилось уже тридцать с лишним тысяч лет. К чему ей тело, которое никто не осеменит? Она заперлась в святилище и превратила свои мысли в светляков. Жизненная энергия, уйдя в зримые образы, покинула ее кости. С течением времени она все больше чувствовала себя маской и все меньше - существом из плоти и крови. В конце концов, она испарилась призрачным облаком. Мраморная личина канула в сон без сновидений. Став немой реликвией, она оказалась н

руках нашего повелителя Атауальпы и наконец попала в этот рай, скрытый от людей. Совсем недавно на небе появилась та же комета, что некогда возвестила о нашествии белых варваров. Настал час отвоевать то, что было отнято! Но чтобы завершить еще один цикл, потребовалось тело, ее тело; твое тело. И тогда, Ан-Бина, тебе послали приказ найти ее.

Ты должна понять, что не обладаешь собственным существованием, ты - копия, *тулку*. Тебя породил разум, не чрево. Поэтому у тебя нет ни полноценных мыслей, ни чувств, ни желаний. Все они отрывочны и без маски не обретают единства.

Когда ты была оставлена в крепости вместо Мамы Окльо и монахи увидели твое лицо - без маски, но повторявшее черты маски, - они обоже- ствили тебя и одновременно прониклись к тебе жалостью, поскольку, лишенная всякого человеческого опыта, ты вела себя как ребенок-дебил. Они решили, что ты должна пройти обряд посвящения. Вводя в тебя каждый раз все большую дозу яда, они рассчитывали сделать тебя нечувствительной к любой отраве. Они заставили тебя выучить наизусть священные тексты двух тысяч сутр. Они давали тебе на съедение мозги каждого

умершего Таши-ламы. А каждый новый Таши-лама делал тебя своей священной наложницей. Окружив себя кольцом монахов, сидящих на пятках и потирающих пальцами, скрещенными в мудре¹, шрам на причинном месте, он, обратившись в пса, овладевал тобой, надеясь оплодотворить своим семенем, - чтобы ты разрешилась долгожданным богом-палачом, который сотрет всех неверных с лица земли. Но твои могучие яичники делали безвредной семенную жидкость... Эти церемонии продолжались много веков, пока ты не уловила зов своей души. Не умея прыгать через пространство, ты спустилась по снегу на орихалковой плите. Когда монахи обнаружили твой побег, они послали вдогонку трех монахов богатырского вида, искусных в борьбе тунко, где ногти используются как лезвия. Прибегая к своим чарам, ты обольщала владельцев гостиниц, шоферов, алькальдов, военных, капитанов кораблей, моряков, пока не добралась до Икике. Монахи, не жалея золота, плыли на самых быстрых кораблях и прибыли в порт первыми, рассчитывая тебя пленить. Ты защищалась и получила удар по голове. Будучи от

1 Мудра: в буддизме — определенное положение пальцев или рук имеющее ритуальное значение.

рождения тулку, ты вдобавок полностью лишилась памяти. Но, хвала богам, добрая женщина, прозванная Каракатицей, пришла тебе на помощь...

Каждый корень, пускаемый маской, отзвучивался в теле Альбины глубокой раной. Нет, это невозможно! Она - не плод воображения, возникший в чьем-то мозгу. Она настоящая, живая, со своей душой и плотью, а тот, кто прилепился к ее лицу - паразит, пришедший из бог знает какого ада. Альбина взялась за маску и попыталась отбросить ее прочь. Лоб и щеки пронзила боль, похожая на ожог от кислоты. Донья Софокос опять радостно замяукала и, целуя броненосца, принялась таять в воздухе.

- Мы с Киркинчо выполнили порученное нам и теперь уходим... Прощай, глупая тулку, и перестань питаться иллюзиями. Признай раз и навсегда, что ты - пустой корабль и ничего больше. Тебя ведет рулевой. Повинуйся ему... Но постой, цветок уже открывается! Не трать силы на бесплодную борьбу, схвати его, пока он не разлился в лужу!

Колдунья со зверьком пропали. Бутоны вытянулись и начали распускаться. Удивительно, как небольшой кактус мог породить такую громадину. Лепестки развернулись и образовали красное

колесо, почти целиком заполнившее пещеру. Запах, шедший от него, обладал разъедающим действием. Он врывался через ноздри и через рот, стирая жившее в мозгу «Я» с силой волны, выкидывающей на берег мертвую сардину. Альбина, наполовину захлестнутая потоком воспоминаний, сделав невероятное усилие, дотянулась до цветка и сжала его. Энергия лепестков была такова, что соцветие выскальзывало из пальцев раз за разом, раскрываясь опять, будто непослушный зонтик. Через девять секунд Альбина все же вырвала кактус. Оставалась секунда на то, чтобы заключить его в малахитовый кувшин. С громовым «флаф!» цветок растекся янтарной жидкостью. И в тот миг, как он сделался эликсиром, Альбина стала Мамой Окльо.

Все ожидали ее на каменной платформе, стоя вокруг гейзера и держа в руках сухие ветки, которые должны были вспыхнуть, как только спустится темнота с обычной своей быстротой. Боялись, что Альбина не вернется. Никто не мог встретиться с Госпожой и остаться целым и невредимым - разве что бог или богиня. И потому, когда послышались уверенные шаги женщины, и она заблестала, словно луна, - все ярче и ярче по мере сгущения тьмы - люди упали на колени.

Привлеченные сверкающей маской, лесные животные - змеи, насекомые, хищники, грызуны, птицы - окружили Альбину. Инкские воины с женами и детьми затаили монотонное песнопение и в религиозном порыве пустились в пляску. Собаки лизали ей ноги. Логан, против обыкновения робкий, испустил, усевшись на землю, долгий и слабый стон - что-то среднее между вздохом облегчения и криком боли - при виде того, как преобразилась душа его возлюбленной, сделав ее далекой, как звезда. Тупакумару, одетый в церемониальный наряд, зажег костры. Каракатица со шляпником, обнявшись, рыдали от счастья: Альбина победила и несла в редком по красоте кувшине лекарство, которое изгонит отвратительный вирус!

Колдун протянул Альбине соломинку, и она втянула в себя каплю цветочного эликсира. Дрожь освобождения пробежала по ее телу. Глубоким голосом она провозгласила:

- Собаке пришел конец! И вместе с ней - конец тирании Таши-лам! Я становлюсь собой! Обещаю вам, что солнце снова воссияет над землей инков! Этот лес перестанет быть глухим убежищем, мы явим его миру, распространим его на долины и горы, превратим пустыню в легкие

мира, завоюем города завоевателей, научим их существовать, любить, творить и жить!

Тупакумару поднял свой жезл и несколько раз нарисовал в воздухе горизонтальную восьмерку. Попугаи изменили цвет с зеленого на золотистый. Индейцев охватил боевой порыв. Они вновь рухнули на колени, прославляя богиню в человеческом облике. Мама Окльо дала каждому псу по капле целебного напитка. Псы превратились в людей. С лучезарными лицами они оглядывали друг друга, но вскоре устыдились, так как были раздетыми. Инкские женщины, указывая на их бледные мужские принадлежности, весело заболботали что-то и протянули каждому по куску ткани. Потом они принесли глиняные сосуды с перебродившим соком чиримойи. Началось повальное пьянство. Дети, тоже выпившие, принялись прыгать через костры. Каждый раз, когда поднимался водяной столб, племя затягивало гимны под аккомпанемент тростниковых флейт и там-тамов, сделанных из выдолбленных древесных стволов.

- Изабелла, милая моя малышка, добрая моя Каракатица, не смотри на меня глазами, полными слез... Благодаря тебе мне удалось стать той, кем я была всегда. Перестань считать, что я - та

Альбина, для которой ты была спасительницей, матерью и наконец - верной подругой; не думай, что нечеловеческая маска похитит у тебя эту Альбину, наоборот - маска впервые преподносит ее тебе. Альбина была лишь отражением моей души, она явилась в мир с определенной целью, и, достигнув ее, исчезла. И теперь перед тобой стою я, Мама Окльо, вернувшая себе исконную мощь... Мое предназначение только начинает исполняться: прежде всего мне надо вернуть Каминье мир и спокойствие, отнятые мной, а затем - научить несчастных людей, как сделать плодородными их пустынные земли. Все это завершится, когда континент превратится в сплошной сад! Знай, что моя признательность тебе не имеет пределов! И если ты не отвергаешь перемен во мне, обними меня!

Каракатица поспешила к белой великанше и, склонив голову ей на грудь, разразилась длинными, хриплыми рыданиями. Тупакумару поднес ей большой горшок с отличной огненной водой. Со смехом помотав головой, будто стряхивала большую блоху, Каракатица осушила половину горшка и влила вторую в своего коротышку. Последствия не заставили себя ждать. Оба повалились наземь и покатались к отверстию в каменной

платформе. Горячая струя подбросила их вверх; в конце концов, они застряли в кроне густолиственного мирта, где и заснули, словно были одним созданием. Мама Окльо позвала Логана. Пес, смиренно прижимая к земле белое брюхо, с жалобным стоном подполз к своей возлюбленной. Она взяла его за передние лапы и, встав на колени, подняла. Оба смотрели теперь друг другу в глаза.

- Ты страдаешь больше всех, любимый. В мире людей ты был Бочконогим, зловредной опухолью, из которой, словно золотая роза, пробилось высшее существо, великолепное, благородное животное; таков ты и сейчас. Когда я превращалась в собаку, все в тебе было восхитительно для меня - твоя шерсть, сплетавшаяся волосками с моей, ласка твоих зубов, сильно и нежно прижимавшихся к моей шее, твой мощный член, превращавший мои яичники в водостоки... Да, ты сумел пробудить во мне, до того безразличной к мужским чарам, животную любовь, воспоминание о которой и теперь согревает кровь в моих жилах. Но ты должен примириться с тем, что потерял свою самку. То, что для тебя было чудодейственным превращением, для меня оставалось заразой, едва не разъевшей мою душу. Как человек, ты стоял ниже собаки, и преображение сделало

тебя достойным высшего дара. Но я - я, наоборот, скатывалась все ниже и превратилась бы в животное. Иногда единственное, что двигало мной, - это желание отдаться как можно большему числу самцов. К счастью, пришел ты и воспрепятствовал падению... Благородный пес, ты, вместе с Каракатицей, вместе с Амадо Деллароза (он предложил нам пристанище, когда мы были на положении отверженных), стал моим спасителем! Я знаю, что ты не хочешь вернуть себе человеческий облик: во-первых, ты опять станешь Бочконогим, а во-вторых, будешь одиноким, потому что Альбины, желанной для тебя больше жизни, уже нет. Я, Мама Окльо, принадлежу к расе, недосыгаемой для людей. Представь только: все обитатели этой планеты, поколение за поколением, умрут на моих глазах... Да, мой Логан, пока что ты останешься прекрасным белым псом. Когда я сумею дать тебе утешение, ты получишь волшебное питье. Будь терпелив.

Празднество закончилось глубокой ночью. Усыпленное крепким напитком, племя погрузилось в счастливый сон. Мама Окльо не нуждалась в сне. Она дождалась начатков зари. Попугаи, розовые и желтые, взмыли стайкой - в центре летел серебристый, похожий на холодный глаз, -

и разнесли радостное щебетание вплоть до горных вершин. Вернулись они ослабевшими, с оперением цвета хаки. Светлый вожак исчез. Мама Окльо тяжело вздохнула:

- Самые страшные опасности подстерегают на обратном пути.

часть третья

СВЕРКАЮЩАЯ УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Ты пришел с побережья величайших тревог, лицо твое потрескалось от вечности и от песнопений. Я знаю: все корабли, отплывающие из гавани, причалят в твоём сердце.

Пабло де Рока. «Космогония».

глава 1. ПРЕДАТЕЛЬ В ПЕРЬЯХ

Тепло внезапно наступившего утра принесло неприятности. Логан учуял резкий запах подмышек примерно пятидесяти солдат - он шел со стороны ущелий. Тупакумару привел Амадо ко входу в очень узкую галерею; пользуясь своими малыми размерами, тот смог проползти к потаенной смотровой щели, пробитой в гранитной стене. Он увидел группу солдат, потрясавших копьями с длинными бамбуковыми рукоятями; за ними полукругом стояли грузовики с большими и широкими колесами, предназначенные для движения по песку, а перед машинами, обильно выделяя слезы и сопли, встряхивал обесцвеченными волосами сам мистер Ни л ли, управляющий медной шахты - тот, что проводил месяцы на пролет, переодевшись женщиной, укрывшись на своей роскошной вилле с кондиционерами и отдавая надсмотрщикам приказы через шквал телефонных звонков. Рыча, как разъяренный лев, он не без труда помахивал массивным револьвером.

- Чтобы получить заработанную ими пару долларов, рабочие с Камаронеса вынуждены их выпрашивать всеми силами. Этот гринго глух к доводам: свора собак разорвала его любовника и прислужников, он уязвлен в своих сердечных делах и в своем достоинстве, и как только мы покажемся ему на глаза, пустит нас на иголки... Он привез с собой воду и кучу провизии, и может ждать сколько угодно. Как же нам выбраться отсюда?

Тупакумару извлек из тростниковой флейты несколько фальшивых нот. К нему слетелись попугаи и, повинувшись звукам, окрасились в небесно-голубой цвет.

- Ждите до полудня, а потом идите за нами, - сказал колдун своим гостям. Так все и сделали. В нужный момент старик, предшествуемый птицами, углубился в туннель, ведущий к выходу, за ним следовали Мама Окльо, Логан, Амадо, Изабелла и обитатели Каминьи. При подходе к каменной плите, служившей дверью, попугаи разлетелись прочь, сели на змеиную тропинку, подхватили по змее и продолжили полет. Смешавшись со слепящей лазурью чистого неба, они парили над головами солдат, которые, подстегиваемые неистовыми криками мистера Нилли, готовились броситься на маленький отряд и пронзить его пиками. Попугаи

сбросили на них свой смертоносный груз. Всеобщее отступление: коричневый ливень обрушивается на грузовики! Гринго, единственный обладатель темных очков, задрал голову вверх и принялся поносить небо. Змея упала ему прямо в рот и проскользнула в желудок. Издав несколько рвотных позывов, походивших на клекот грифа, он изверг пресмыкающееся и тоже бросился бежать. Надо было как можно быстрее прибыть в госпиталь Чукикаматы - сделать укол против змеиного яда. Грузовики на полной скорости скрылись между андских отрогов.

Все племя вышло из чащи, чтобы попрощаться с гостями. Индейцы касались пальцами ног горячего песка, словно неземного вещества: они впервые увидели мир за пределами своего леса. Для них земля всегда была плодородной, любящей, материнской плотью. Они были незнакомы с ее бесплодной, жестокой, убийственной частью. Увидев перед собой до горизонта тощую, соленую, охристую почву, лишенную деревьев, птиц, цветочного аромата, индейцы вначале не поверили, что такое возможно. Настоящий мир замкнут среди гранитных скал, там бьют водяные столбы, там растет лес, изобилующий фруктами и добрыми зверями... Мужчины, женщины, дети разразились смехом, пока не упали с режью в животе. Да природа просто водит их за

нос! Сейчас на горизонте вырастут горные склоны, из уродливых песков появятся пальмы, араукарии, кипарисы, лиственницы, манио¹, горох, тамариск, перец, больдо², папоротники, пахучие травы, фиалки, другие цветы. Что за пейзаж без бабочек, пчел, птиц, разных животных? Что это за шутки - ни единой струи, бьющей в небо? Тупакумару, привыкший переодеваться и, взобравшись на гуанако, инспектировать кабаки горняцкого поселка, деланно засмеялся, приказал своим инкам в знак прощения потереться носом с гостями и призвал их вернуться в родимый рай. Потом, оставшись один, с изумлением воззрился на белую богиню.

- Не беспокойся, добрый старик, настанет благоприятный день, и я вернусь. И тогда мечты твоего племени станут явью. Сельва перейдет в наступление на пустыню, затопит ее, словно зеленая река... Обещаю.

- О, чудесная женщина, я верю тебе! И раз я тебе верю, то хочу попросить: когда будешь в городе, вышли мне несколько искусственных зубов. Я стар на вид, но это лишь снаружи, внутри же меня сжигает страсть к одной официантке из бара Калама...

*1*Дерево, древесина которого используется как подделочный материал.

2 Вечнозеленое дерево или кустарник родом из Чили. Листья его применяются для изготовления лекарств.

Если ты вернешься (мои сто лет - один день в твоей жизни), то тебя, само собой, будет ожидать какой-нибудь из моих преемников...

Веселые пауки снова покрыли песчаную поверхность звонким ковром. Хотя воды было в изобилии, горло пересыхало мгновенно после глотка. Альпаргаты, подаренные инками, превратились от жары в раскаленные сковородки. Подошвы ног у каждого выглядели сплошной язвой. Горы остались позади и, кроме длинной канавы, выкопанной рабочими в поисках корня, глазам не за что было зацепиться на бесконечной глади. Потрескавшаяся, сухая, бездушная корка серовато-охристого оттенка, грандиозная блевотина неведомого бога... В маске, сквозь которую не читалось выражение лица, прижимая к груди малахитовый кувшин, как второе сердце, царственно шагала та, что была Альбиной. За ней с жалобным воем, высунув язык, ковылял Логан. Ценой мучительных усилий он добился того, что ни один сантиметр не отделал его от ног повелительницы. Следом стройными рядами терпеливо шли жители Каминьи. Заметно отстав от них, процессию замыкали Амадо Деллароза и она. Она? Кто - она? Да, глубокий, пламенный взгляд Амадо превратил ее в Изабеллу, заставив облечься в наряд красоты, но - НО - этой стройной

женщине с гибкой поступью, с лицом примерной девочки, у которой имелось все вооружение самки - груди, ягодицы, губы - наряд этот казался легко снимаемым одеянием, чем-то посторонним, красивым сапогом на уродливой ноге. И как бы глубоко эта женщина ни погружалась в себя, чтобы зацепиться за что-то на плоской равнине, она неизменно находила все ту же Каракатицу, одинокую сумасбродку, которой взбрело в голову стать матерью Венеры-идiotки. Засевший в груди кинжал беспрестанно покалывал ее изнутри. До чего же тяжело она переживала исчезновение Альбины! Эта жрица в маске, мудрейшая из мудрых, ничего не имела общего с ее подругой. Что может дать простая смертная полубогине? Если они живут в разных временах - она в эфемерном настоящем, а та в вечности - как они могут вместе двигаться к общей цели? Никак! Плечи ее, до того прямые, согнулись и, не прекращая движения, она разразилась глухими рыданиями. Многие метры песка были политы ее слезами, и на месте падения каждой слезинки вырастал желтый цветок. Недомерок поразился чуду: его возлюбленная оставляла за собой золотую тропу! Он едва не бухнулся на колени, но в этот момент отряд трижды облетела серебристая муха, которая на деле оказалась серебристым попугаем -

облетела и снова скрылась за горизонтом. Мама Окльо, отягощенная недобрым предчувствием, спрятала драгоценный кувшин под плащом, одолженным Тупакумару, дабы прикрыть ее наготу. И вновь появилась серебристая точка - на этот раз она вела за собой выводок темных мошек. За попугаем с невероятной скоростью, делая гигантские прыжки, спешили десять громадных зайцев; их погоняли всадники с бандитскими физиономиями. Специально для пересечения пустыни контрабандисты вывели породу грызунов размером с лошадь. На самом крупном, темно-сером, белобрюхом и черномордом зайце, в седле, украшенном зеркальцами звездообразной формы, восседал монументальный толстяк, бородастый и гривастый. Поравнявшись с отрядом, он остановился. Пернатый, чьи крылья блестели под лучами солнца, сел ему на плечо и завизжал: «У нее! У нее под плащом!» Остальные разбойники окружили отряд, потрясая автоматами. Толстяк, отдуваясь, словно кит, подъехал на своей кобылке внушительных размеров к женщине под маской.

- Позвольте представиться, сеньора: Чучо де ла Санта Крус. Профессия: честный торговец кокаином. У нас неважная репутация, однако мы - хорошие отцы семейства и искренне верующие люди.

Эти лохмы и это снаряжение - для стаи федеральных агентов и всяких там военных, которые рыщут по нашим следам. Мы совсем неплохи в деле, но все же, благодаря вот этим зайцам, наше любимое оружие - бегство. Пусть ваши друзья знают: если они будут вести себя тихо, мы не отрежем им уши и не продырявим из автоматов. К чему лишнее беспокойство? Взамен, дражайшая сеньора, вот что... если попугай не соврал, вы несете кувшин с соком шиграпишку. Это бесценное снадобье. Как гласит предание, у него есть необычайное свойство: одна его капля на килограмм кокаина - и получится вещество, превосходящее по силе философский камень, который так долго искали алхимики. Один грамм этого вещества дает рукам на восемь часов власть превращать обыкновенную материю в золото. Представьте себе, сеньора: если это правда, мы обратим в золото целые горные хребты! Ладно, хватит разговоров. Давайте сюда то, о чем я сказал, пока не пришлось прибегнуть к крайним мерам...

- Я понимаю ваш интерес, дон Чучо, но вам следует знать, что эликсир, который вы требуете - это прежде всего лекарство, и лечат им очень редкую болезнь. Мужчины, которых вы видите, уже исцелились, но их супруги остаются зараженными. Нам надо добраться до Каминьи и дать часть

сока им, а часть - носителям заразы в Икике. Поэтому я ни в коем случае не отдам вам содержимое кувшина. И предупреждаю, что во мне есть сила, которая защищает от пуль...

Не меня выражения лица, тучный вожак рядил свой автомат в наглую женщину. Из отверстий в плаще взвился дымок. Мама Окльо, невредимая, спокойно сказала:

- Видите?

Серебристая птица прошептала что-то на ухо разбойнику. Тот улыбнулся, пришпорил зайца, подъехал к Каракатице, поднял ее с земли, отогнал Амадо ударом ноги в челюсть и приставил нож к горлу женщины:

- Сейчас же отдай кувшин, или я отрежу башку твоей подружке!

Коротышка, потиравший подбородок, с возгласом «Предатель!» попытался было броситься на мерзавца и его пернатого сообщника. Очередь, взметнувшая песок у него под ногами, охладила его пыл. Попугай хохотнул. Губы Каракатицы сложились в горькую улыбку. «Альбина отдала бы за меня жизнь, но эта напыщенная магиня пальцем не шевельнет, чтобы спасти меня. Она хочет стать легендарной предводительницей бедняков, со своими бердовыми мечтами о величии, и горе

побежденным!» Кровь действительно пролилась, но не из горла, а из места куда более сокровенного. Мама Окльо немедленно, ни секунды не колеблясь, протянула бандиту кувшин, и шерсть зайца - как выяснилось, зайчихи, - окрасилась менструальной кровью. Контрабандист одной рукой принял заветный кувшин, а другой столкнул Каракатицу наземь с криком «Грязная шлюха!» и принялся яростно оттирать несвоевременные выделения платком, повязанным вокруг шеи. Его сотоварищи достали пластиковый мешочек с белым порошком. Длинным, заостренным ногтем мизинца он распорол пакет и капнул туда из кувшина. Тут же возникло темное пятно и начало разрастаться, пока весь кокаин не сделался зеленоватой, желеобразной массой. Толстяк нетерпеливо сглотнул слюну, взял с золотой цепочки, висевшей у него на шее, нож и отделил кусочек от подрагивающего желе. Мама Окльо предупредила его:

- Осторожно, дон Чучо, предания не всегда говорят правду! Вы собираетесь принять сильнодействующее средство с непредсказуемым действием. А что, если для вас настанет настоящий ад?

Наркоторговец не удостоил ее ответом и проглотил дозу. Эффект не заставил себя ждать: его ботинки разорвались, и из них показались две черные

лапы. Одежда разлетелась по воздуху, как грудa ветоши. Из тела полезли черные волосы, а на груди обозначились двенадцать сосков, сочащихся черным молоком. Наконец, перед всеми предстала сука размером больше зайца, с убийственной ненавистью в глазах, с хищными клыками и хвостом, бившим по земле с такой силой, что взлетали целые комки земли. С жутким воем она устремилась в сторону нарушителей закона. И хотя верховые животные делали десятиметровые скачки, собака настигла их и принялась разрывать на части одного за другим. Пока ужасное создание наслаждалось кровавой баней, Мама Окльо, с трудом удерживая Логана - тот порывался пожертвовать жизнью в неравном бою, - собрала своих ошеломленных друзей.

- Болезнь вылечивается с помощью того же вируса, который ее вызвал. Шиграпишку побеждает вирус, так как содержит его в себе. Поэтому бандит превратился в суку - одно из воплощений Госпожи. Убежать от нее невозможно, она настигнет нас в мгновение ока. Нужно отвлечь ее, пока не пройдет приступ... Но как?

- Я знаю, - откликнулся попугай. Пользуясь тем, что черная сука дробила зубами кучу скелетов, он блестящим, как шпага, клювом чиркнул ей

по морде, выклевав оба глаза. Вопя от боли, ослепшая хищница побежала кругами, которые становились все больше и больше. Птица загоготала: «Я - необходимое зло! Необходимое зло!» - и полетела обратно к лесу, спрятанному от людских глаз.

Кружа по-прежнему, адская собака понемногу удалялась от отряда и в конце концов, уменьшившись до мухи, скрылась за линией горизонта... Каракатица, исполненная благодарности, подобрала малахитовый кувшин - по счастью, пробка не выскочила - и с глубоким почтением вручила его той, которая теперь не узнавала ее, но оставалась верной подругой.

Спокойствие длилось недолго. Его нарушил снаряд, разорвавшийся всего в нескольких метрах от них. Прикинув, что следующий вряд ли попадет в то же место, все сгрудились в глубокой воронке. Нилли, как видно, не желал отступать. Сейчас он сидел за рычагами небольшого танка, следом ехали двадцать грузовиков, набитых солдатами - всего тысяча двести человек. Да здравствует великая любовь! Тем не менее, это прекрасное чувство, смешавшись с жадной кровавой мести плюс присвоенным себе правом выносить приговор, не вникая в суть дела, смотрелось со стороны очень неприглядно и побуждало Маму Окльо дать отпор. Для

нее идеалом была жизнь - жизнь спасенных от заражения, идеалом же мистера Нилли была смерть, то есть смерть врагов, измельченных до состояния фарша. Второй снаряд упал совсем близко от первого. У нескольких человек лопнули барабанные перепонки. Жрица тяжело вздохнула: надо было снова кормить Госпожу... Она вылезла из воронки и начала чертить на песке восьмиугольник, повторяя хриплым голосом заклинание: «Цан май са лэй ма дал дан!» Закончив, она попросила всех стать внутрь магического символа. Затем, обращаясь к Йе-Срид, богине стихий, Мама Окльо пропела все тем же странным, мужественным голосом: «Джун ба дуй ки ха мо нан!», надула щеки и дунула пару раз. Вокруг путешественников закружился вихрь и постепенно превратился в настоящий смерч - яростную серую спираль, стиравшую в пыль комья земли и уходившую высоко в небо. Заклинательница, выговорив ужасное проклятие «Миндан цэн ма ной кьи жин!» - «Свергни их с вершины бытия в адскую бездну!» - послала воронку в сторону военных... Устрашающий столб подхватил двадцать грузовиков и танк, словно перышко.

Мама Окльо, увидев, что с машинами и их пассажирами покончено, испытала не только боль, но

и опасения. Уже много веков эти магические слова не звучали, и теперь, несмотря на все усилия, она была неспособна удержать в повиновении чудовищную волну.

- Осторожно! Скоро он обрушится на нас!

В отчаянии - куда спрятаться на плоской местности? - все поспешили за Логаном, доверясь его чутью. Постепенно впереди нарисовались мачты, затем верхняя палуба и, наконец, весь корабельный корпус. Каравелла святого Петра!

- Она из железобетона и может устоять перед вихрем!

Торнадо - казалось, вкус человеческой плоти пробудил в нем людоедский аппетит - уже виднелся позади, вытянувшись в прямую линию. Едва все влезли на судно и попрыгали в трюм, как сумасшедшая сила вырвала мачты вместе с негнущимися парусами, смела всех святых, населявших палубу. Укрывшись между гипсовыми бочками - ураган перебил стекла, обратив их в лезвия, - все услышали, как трещит корабль, словно от землетрясения. Будто гигантская рука вырвала с корнем тысячелетнее дерево - и люди, пытаясь уцепиться за надежно привинченных святых Петров, стали перекатываться между полом и крышей, которые поменялись местами. Еще один

дикий удар, как пушечный выстрел, - и кошмару пришел конец. Гневный смерч утихал, пока все, окутанные тишиной и темнотой, не ощутили себя вне опасности. Но выйти было нельзя: хлынул ливень, которого три века ждала безводная земля.

глава 2. ПУТЬ ЖИЗНИ И ПУТЬ СМЕРТИ

Выяснилось, что ураган перенес многотонную «Санта-Марию» за километры от того места, где она стояла. Корабль оказался на вершине одного из холмов, окружавших Каминью. Отсюда открывался вид на город и бескрайнюю пустыню; но она больше не была пустыней. Миллионы литров воды пролились сверху, и почва, забыв о своем былом бесплодии, оделась пестрым цветочным ковром, покрывшим все пространство. Горная цепь вдали тоже зацвела - где-то красным, в других местах желтым, лиловым, зеленым, синим... Носились тучи пьяных от нектара бабочек; лесные кролики сшибались в сладострастных схватках; освежевший, освобожденный от частиц пыли воздух ласково звенел в ушах. Мама Окльо, счастливая, наблюдала за бурными переменами: развязанный ею ужас согнал и взрезал тучи, исторг из них чудотворный ливень, который породил глину - источник всякой жизни.

- Неважно, что это продлится недолго! Сушь, которая непременно настанет впоследствии, будет

помнить обо всем, что случилось. Она будет знать, что прошлое - это разновидность будущего. То, что было, настанет вновь, а то, что есть - уже было когда-то. Засуха, таящая в себе надежду - совсем не то, что безнадежная засуха. Если настает первая, каждый миг благословен, потому что он приближает долгожданный дождь. Если настает вторая, каждый миг ненавистен, потому что он отдаляет от животворного дождя.

Жители Каминьи медленно спускались по извилистой тропинке, прокладывая себе путь между густых зарослей лаванды. Это напоминало праздник урожая или рождение ребенка - а может быть, то и другое сразу. Они радовались возвращению домой, одновременно испытывая стыд: шиграпишку убил в них вирус, но не память. Они помнили все. Они были псами, обретались в волнующем мире запахов, узнали, что такое грубое желание, поклонение, преступление, неповторимый вкус человеческого мяса, опьянение смертельной опасностью. Разве они могли опять привыкнуть к однообразному счастью, ждущему их в Каминье, к докучной простоте своих жен? Так или иначе, в городке тоже случилась великая перемена: до того ритм жизни в нем определялся отсутствием смерти. Но теперь, с возвращением госпожи, не могло

быть и речи о том, чтобы примириться с однообразием дней: наоборот, если жизнь стала короткой, надо прожить ее ярко и бурно... Да, женщины, как всегда, одетые в темное, с улыбками бежали к подножию холма - встретить мужей с распростертыми объятиями. Но смогут ли те захотеть своих жен как мужчины - а не как псы? Испытают ли прежнее возбуждение теперь, когда между ног у них бледный отросток вместо ярко-гранатового? Уловят ли прежнее изобилие запахов, источаемых влагищем и задним проходом? Язык, уши, ноздри, - везде царила тягостная пустота. Кто сказал, что выздоровление пойдет им на пользу? Но тут на лицах мужчин появились улыбки. Нет, выздоровление пошло на пользу! Они стали способны думать. Они не только чувствовали, но и знали, что именно чувствуют. Просветленная область сознания очертила границы их бытия. Ничто не могло быть лучше, чем переживание этого. Мужчины ощутили себя глиняными сосудами, до краев наполненными радостью. Забыв о Маме Окльо, они кинулись в объятия жен. Счастливые рыдания мешали поцелуям. Мало-помалу они успокоились. Принялись страстно искать женские губы, но сразу же прекратили ласки: во рту стали пробиваться клыки, лица начали вытягиваться в звериные морды.

О богах вспоминают в нужде: та, что осталась в сторонке, была приглашена на праздник, кувшин вновь стал спасительным. На коленях мужчины поползли к женщине в маске, словно к чудотворной Богоматери Андакольо, высунув языки, чтобы принять, как облатку, каплю эликсира... Излечение было мгновенным. Женщины, вспомнив каждая о своем давно запустевшем лоне, потащили мужей по домам. По улице пробежалась гамма дверных стуков, и набожное жужжание пчел, которые впервые вкушали чистый нектар, было заглушено скрипением кроватей, убыстрявшимся с каждой секундой.

Настал полдень. Хотя земля превратилась в сад, а воздух пропитался ароматами, жара была невыносимой. Свежие краски холмов поблекли, склоны их оделись унылым серым покровом. Когда мошки от зноя начали сгорать в полете, оборвались все звуки - пчелиное жужжание, стоны удовольствия, жалобы пружинных матрацев. В глубокой тишине стало слышно поскребывание: лесные звери рыли себе норы. Шестичасовая сиеста, казалось, принесла в город смерть. Амадо открыл двери шляпного магазина: несмотря на продырявленную крышу, пол был чистым, - жуки-навозники убрали весь попугайский помет

и, пресыщенные, ушли прочь. И все же можно было подумать, что находишься в заброшенном шахтерском поселке. Прежде этот богом забытый уголок был единственным убежищем для Амадо, который, не обнаруживая красоты в себе - красоте придает не собственный взгляд, а только взгляд другого, - не находил ее и вокруг себя. Теперь, когда рядом с ним была достойная спутница, он мог укорениться в ней: Изабелла стала его очагом, его родиной, сторожевой башней, откуда он обозревал мир. Кольцевой бульвар внезапно показался ему ошейником, готовым задушить их обоих.

- Пойдем отсюда, Изабелла! Мы погубили Каминью, желая спасти ее! Надо придумать, как жить дальше: Альбинин стриптиз уже не будет нас выручать.

У Изабеллы подступил комок к горлу. Наступил жестокий миг расставания. Неизбежный миг: ее белая, белее белого, подруга - мука, соль, мрамор, простыня, молоко! - уже устремила взор в иные пространства. Мама Окльо не нуждалась ни в покровительстве, ни тем более в палке-отгонялке. Она принадлежала к мудрым, сильным, возможно, даже бессмертным; эта грязная комната никак не могла служить ей храмом. Грудь Изабеллы разрывалась от близости прощания... Она

погладила по голове Логана - пес чувствовал то же самое и не в силах был вильнуть хвостом, свисавшим между лап. Затем Изабелла слабо махнула рукой в сторону той, которая некогда была единственной ее подругой, и улыбнулась Амадо.

- Ну что, пойдём, шляпных дел мастер? Я собираюсь открыть в Икике бар с куплей-продажей золота.

Амадо схватил железную палку:

- С величайшей радостью, но при одном условии: тех, кто напьётся, выгонять буду я!

В этот самый момент к ним подошел глухонемой Пинко, погонявший осла по направлению к кладбищу. На осла он водрузил доску, а на нее усадил мертвого старика, накрашенного и одетого, будто живой. Мама Окльо, не проронившая ни слова после бури в пустыне, проговорила тихо:

- Горожане хоронят мертвецов в час сиесты и говорят, что те пошли прогуляться. Они не могут смириться с возвращением Госпожи, и они правы. Госпожа забыла про них, а я ей напомнила. Мой долг - сделать все так, как было до нашего прихода в Каминью. Эта человекоядная тень затаилась в центре городской площади и жаждет пожрать все. Я справилась с ней однажды - но то была моя Госпожа. Сейчас победить будет труднее - или

вовсе невозможно: это Госпожа всех нас, сила ее бесконечно умножилась... Не уходите, ждите меня! Я в долгу перед вами троими тоже. Если я вернусь из боя живой, то возвращу свой долг...

Медленными шагами, звучащими, точно стук ножей, Мама Окльо дошла до площади. Публика на бульваре, купаясь в свете и тепле, образовывала кольцо из тел вокруг темного пятна, растянувшегося между четырех кипарисов. Впервые за много веков Мама Окльо узнала, что такое горечь во рту: вкус, идущий из самого нутра, терзающий язык. Подойдя ближе, она решила пробиться сквозь бесчисленные щупальца, чтобы поразить Госпожу в самую сердцевину. Меланхоличный голос остановил ее:

- Моя чернота не в силах погасить сияние твоей маски. Кто ты - богиня? Ты хочешь влить свое бессмертие внутрь меня, беспримесной тьмы? Ты решила покончить со смертью, растворив ее в жизни? Твоя любовь настолько велика?

Мама Окльо поняла, что она испытывает сейчас не страх, а сострадание. Она предпочла бы этому липкому чувству самую острую боль, чтобы остаться глухой к мучениям вселенского палача, к смиренной преданности этого беспредельного отсутствия, сопровождающего каждый проблеск

жизни, благодетельной пуповины, тянущейся от каждого мгновения, предлагающей неблагодарной твари уничтожение, которое придаст смысл его бытию, необъятной Госпожи всего мира и одновременно - маленькой, пыльной и грязной, убийцы, да, но и повивальной бабки, участвующей со своей омерзительной паутиной в непрестанной смене обличий жизни, ее, страшной, стоящей у истока реки жизни и ручья миражей, ее, ненавистной, верной защитницы самого сердца тишины, пустоты, поглощающей мнимую плотность материи, мнимую неповторимость каждой личности, мнимую чистоту переживаний, мнимую реальность желаний, мнимую необходимость действия - пока все не сведется к одному глазу, безо всяких наблюдаемых предметов, глазу, замкнутому в себе самом, словно сон без снов.

- Понимаешь ли ты, что, уничтожив меня, запишешь себя в смертельные враги жизни? Вместо того, чтобы сражаться со мной, стань на мою сторону. Тебе ведь известно, что ты - не кости, не внутренности, не мясо, что они недолговечны. Что же останется от тебя? Ты - то, что вмещает в себя мгновение, не больше и не меньше. Время - это малая точка, и ты не сидишь внутри него, как в лодке. Ты - одинокая лодка без экипажа. Ни

позади, ни впереди нет ничего. Ты движешься вслепую; но я всегда с тобой. Я - твой экипаж, но творишь меня именно ты. Если судно терпит бедствие, я исчезаю. Если оно погибает, все, что есть на нем живого, уходит вместе со мной... Иди же.

Мама Окльо не стала врезаться вглубь Госпожи - она открыла свое сердце, чтобы та вошла. Тьма заполонила ее. В этом непроглядном мраке кружились огненные слова и осыпались, сгорев. Чувства извивались, как удавы, и пытались выстроить мосты, ведущие в никуда. Все желания - творить, умножать, пребывать в живых - уплотнились до состояния камня, камни истерлись в песок, песок развеялся и сделалась тьма. И тогда началось извержение: черный, как смоль, поток хлынул из памяти, опустошая ее, подхватывая все знакомое - людей, животных, растения, пейзажи, плоды сознания, чтобы похоронить все это внутри ненасытного брюха. Но маска не сдавалась: свет ее становился все ярче и ярче. Госпожа издала умоляющий стон:

- Я не могу ничего с тобой сделать, ты обладаешь костяком, ты гораздо больше своей скудной формы, ты живешь за пределами себя самой, как богиня, я вынуждена тебе повиноваться. Что это? Мой конец и начало вечности? Тебя развратило

сотворенное тобой? Ты хочешь занять мое место? Ты - новая Госпожа, пустая корона в разбитом параличом царстве?

- Сестра моя, я хочу иного. Земля должна вращаться, как и прежде... Мне нужно только одно: если раньше ты могла не вспоминать об этом городке, покинь его снова и не возвращайся. Каминья позволит тебе выполнить твою священную задачу. Повинуйся!

Так Госпожа во второй раз ушла из Каминья. Мама Окльо, вернувшись в шляпную мастерскую, соединила руки Изабеллы и Амадо:

- Вам не стоит пачкать себя работой в таком гнусном месте, как бар. Натрите ладони смесью, приготовленной бандитом... Вот так... А теперь дотроньтесь до чего-нибудь.

Они прикоснулись к шляпной колодке. Дерево приобрело золотистый оттенок, заблестело и наконец, превратилось в золото. Коротышка запрыгал от радости, оглашая помещение криками. Изабелла же, напротив, скорчилась, раздвинула носки ступней и, крайне опечаленная, стала Каракатицей.

- Богатство? К чему оно?

Мама Окльо, загадочно улыбаясь, потрепала ее по плечу.

- Подожди чуть-чуть, скоро ты повеселеешь.

Она распечатала кувшин и капнула на морду Логана. Пес задрожал, с негодующим рычанием лег на пол, грустно посмотрел на Маму Окльо, начав превращаться в человека. Помотав головой в безнадежном сопротивлении, он произнес:

- Прошу тебя, дай мне умереть собакой!

И, обретя полностью человеческий облик, прижался, рыдая, лбом к стене. Его обнаженное тело было прекрасно, вздутая когда-то нога исцелилась.

- Я влюбился в вас, когда вы были из рода людей, я знал, что мы ровня друг другу, но сейчас... могу ли я надеяться на милость богини? Альбина мертва, я тоже хочу умереть... Без нее - зачем жить?

- Успокойся, Логан. Я дала тебе противоядие, желая отпраздновать твое благородное преображение, а не покарать тебя. Я не хочу, чтобы ты, Изабелла и Амадо оплакивали потерю дорогого им существа...

Мама Окльо села по-турецки, сплела пальцы на руках и громко произнесла слова-приказы, призванные проникнуть через стену реальности:

Ньид ла ньид он бар дат
джор дол рол па ньям су лан!

Из пор ее кожи начал сочиться густой туман, принявший затем человеческие очертания. Логан, Каракатица и Амадо увидели, как рядом с Мамой Окльо появилась не кто иная, как Альбина. Да, их ослепительная белая великанша, с русыми волосами, розовыми белками, вздернутыми сосками, мощными бедрами, чувственным лицом - чудным лицом глупой девчонки! Новосозданная женщина, надув губы и непрерывно мочась, поспешила в объятия Изабеллы.

- Я создала для вас тулку, обладающую всеми свойствами человека, кроме способности к размножению. Не думайте, что это знакомая вам Альбина - это новая Альбина. Как и та, она едва помнит себя, неспособна говорить и страдает недержанием. Вы должны научить ее всему. Ты, Логан, в бытность свою Бочконогим обращал на нее свою похоть; отныне ты сможешь показать всем, до каких вершин доходит твоя любовь. А ты, Амадо, не раз оплодотворишь жену, и вы поделитесь потомством с бездетной четой. Вы будете творить золото, но с осторожностью; и, вылечив тех, кого я заразила в Икике, пуститесь по свету, помогая всем, кто это заслужил - если того потребует сердце... Теперь я могу уходить. Я заберу с собой часть волшебного питья, чтобы превратить тибетских

монахов из кастрированных псов в людей. Я изреку для них новые сутры, восстановлю порушенные лики богов, прекращу кражи детей, низложу Таши-ламу. Потом я вернусь. Инки и кечуа станут семенами, из которых произрастет новое человечество. Может быть, к тому времени тьма накроет вас. Меня встретят ваши дети или внуки. Альбина, по прошествии лет, постигнет свою подлинную сущность и безбоязненно растворится в пустоте, как мираж на закате.

Мама Окльо совершила колоссальный прыжок, и воздух вокруг нее разорвался, словно разбитое зеркало. Через нематериальное окно она достигла истока пространства и исчезла. Амадо взял Изабеллу за руку, та Альбину, Альбина - Логана. В венке из красных пчел они ступили на дорогу, ведущую в Икике. На один краткий миг Каракатица взяла верх над Изабеллой и воскликнула:

- Черт возьми, давайте купим у того придурка Испанский клуб!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Возвращение Госпожи

Глава 1. Подарок ливня	6
Глава 2. В поисках невиданного.....	13
Глава 3. Шляпник-провидец.....	26
Глава 4. Там, где не умирают.....	34
Глава 5. Пчелы, птицы и псы.....	41
Глава 6. Противоядие.....	49

Часть вторая

Путь Души

Глава 1. День первый.....	68
Глава 2. День второй.....	88
Глава 3. День третий	103
Глава 4. День четвертый	131

Часть третья

Сверкающая Утренняя Звезда

Глава 1. Предатель в перьях	160
Глава 2. Путь Жизни и Путь Смерти ...	175

**Издательства
KOLONNA PUBLICATIONS И МИТИН ЖУРНАЛ
представляют**

Гарик Осипов

ТОВАР ДЛЯ РОТШИЛЬДА

Гарик Осипов умудряется в небольшой эпизод вместить целую эпоху - с ее слегка экзотическим ароматом, распробовать который под силу только людям, поставившим себя над временем.

Jalouse

Гарик Осипов раздвинул границы банального, показал, как избежать искушения превратить самодостаточность в безвкусицу.

Playboy

Граф Хортица демонстрирует самую правильную жизненную идею - тотального и бесповоротного эгоизма в любых внешних условиях.

OM

**Издательства
KOLONNA PUBLICATIONS И МИТИН ЖУРНАЛ
представляют**

Егорий Простоспичкин

РАЗГОВОРЫ С ДОННОЙ АННОЙ

Князь Егорий Простоспичкин является одним из признанных авторитетов в области прикладной и теоретической демонологии, автором многочисленных исследовательских статей по сравнительной истории религий и индоевропеистике, активным членом ложи Свободных Каменщиков, при посвящении в которую он получил титул Комедиум, одним из патриархов древнего, как утверждается, Ордена РоСД(ТМ). Уважительно величаемый в определенных кругах Сеньором, в данной книге он предстает и как блестящий прозаик. Тонкое чувство юмора, удачные метафоры, элементы эротики, по-настоящему мрачного колорита декорации, все это дает возможность по-новому взглянуть на суровую и таинственную фигуру князя.

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2
«Пирог на Дмитровке» ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
«Фаланстер» Б.Козихинский пер., д.10
«Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького»,
Тверской бульвар, дом 25
«У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15
«Молодая гвардия», Москва, ул. Б.Полянка, дом 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, дом 8
«БУКБЕРИ» Сеть книжных супермаркетов

в Санкт-Петербурге, в магазинах торговой сети «БУКВОЕД» по адресу:

Улица Пестеля, 23
Невский проспект, 13
Кирочная улица, 23
Московский проспект, 172
Лесной проспект, 61, корп. 1
Лиговский прпроспект, 4
Загородный проспект, 35

в Интернет:

«Озон» - www.ozon.ru
«Межкнига» - www.mkniga.ru

По вопросу оптовых продаж книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» обращаться
в ООО «БЕРРОУНЗ», телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте наложенным
платежом редакция просит обращаться по
адресу:
170024, г.Тверь, а/я 2448
в интернет:

www.mitin.com/request.shtml

Александр Ходоровский АЛЬБИНА И МУЖЧИНЫ-ПСЫ

KOLONNA Publications: Россия, 170024
Тверь, а/я 24048 Формат 70X100/32,
объем 5 п.л., подписано в печать 4.03.2004 г.
Гарнитура SchoolBookC. Тираж 1000 экз.
Заказ №4250 Отпечатано с готовых
диапозитивов в ОАО «Тверской
полиграфкомбинат», г.Тверь, пр-т Ленина, 5.

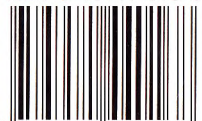
VASA INIQUITATIS — СОСУД БЕЗЗАКОНИЙ

Спокойствие маленького чилийского городка нарушено появлением двух таинственных женщин — уродливой Каракатицы и соблазнительной Альбины, тайну происхождения которой знают только тибетские мудрецы. Впервые на русском языке проза знаменитого кинорежиссера («Крот», «Священная гора», «Святая кровь»), автора мистических комиксов, исследователя языка Таро, основателя постсюрреалистического движения «Паника», композитора, поэта и психошамана Александрo Ходоровского. «Альбина и мужчины-псы» — фантастический роман о мутациях, вечном перерождении и магической подоплеке повседневности.

ТИРАЖ ИЗДАНИЯ
1000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ISBN 5-98144-016-3

VASA INI